

**НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
“ИМПЕРИЯ”**

«Право: история, теория, практика»

*Сборник материалов международной
научно-практической конференции*

21 октября 2022г.

Москва
2022

УДК 34
ББК 67
П 68

Право: история, теория, практика: сборник материалов IV-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, 21 октября, 2022 – Москва: Издательство НИЦ «Империя», 2022. – 103с.

ISBN 978-5-6048694-3-7

Сборник включает материалы **IV международной очно-заочной научно-практической конференции**: «Право: история, теория, практика», проведенной 21 октября 2022 г., на базе: **АНО ВО «Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС»**, аудитория 714.

Материалы сборника могут быть использованы научными работниками аспирантами и студентами в научно-исследовательской учебно-методической и практической работе.

Сборник научных трудов подготовлен согласно материалам, предоставленным авторами. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Сборник статей зарегистрирован в наукометрической базе Elibrary.ru (РИНЦ) по договору № 905-04/2016К от 07.04.2016г.

УДК 34
ББК 67

© Авторы статей, 2022.
© Научно-издательский центр "Империя", 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

Адами Д.Э.	
Проблемы эмансипации несовершеннолетних в гражданском праве	5
Артамонникова С.В.	
Воля как основополагающий элемент правосубъектности участников сделок, совершаемых в электронной форме	9
Бжассо А.А.	
Коллизии правового регулирования ипотеки	13
Гарифуллина Р.Ф.	
Детерминанты экстремистской преступности	17
Ибашаева А.В.,	
Преимущества и недостатки жилищно-строительного кооператива	21
Коробков И.Р.,	
Проблемы уголовного законодательства российской федерации в области геномной инженерии	25
Кострова Ю.Б., Шибаршина О.Ю.	
Структура политических коммуникаций России на современном этапе	29
Машекуашева М.Х.	
Об особенностях и роли формирования ценностных ориентиров в современном обществе	37
Маресина М.А.	
Некоторые виды мошенничества, совершаемого адвокатами при реализации своих профессиональных полномочий	41
Молчанова Е.В.	
Принципы исполнительного производства: общее и особенное	49
Набиев Ф.Ф.	
Некоторые аспекты предупреждения преступлений в сфере ИТ-технологий	55
Нестеров Н.В.	
Некоторые вопросы установления юридических фактов в гражданском судопроизводстве	59
Нестеров Н.В.	
Понятие юридического факта в гражданском процессе	64

Нугуманов А.Р. Отмывание денег в Российской Федерации: состояние и перспективы развития	67
Оленников С.С. Эволюция представлений о сущности политических коммуникаций	71
Писарев В.В. Эволюция правового регулирования оборота персональных данных в США на примере штата Нью-Йорк	78
Сафонеева Ю.С., Рогожина А.А. Особенности защиты авторских прав в Российской Федерации	87
Труфанов Г.А. Конфликтологическое осмысление восстания «Басени» в ДРК	90
Хазина Р.А., Ющенко Н.А. О некоторых проблемах развития франчайзинговых отношений	94
Яременко Н.Е. Соотношение кассационного и надзорного производств в российском уголовном процессе	98

Адами Д.Э.,
Студент 3 курса
Нижегородского института управления РАНХиГС
Научный руководитель: Гуляева Т.Б.,
Доцент, кандидат юридических наук кафедры гражданского и
международного права, г. Нижний Новгород

Проблемы эмансипации несовершеннолетних в гражданском праве

Прогрессивное развитие общественных отношений приводит к необходимости проработки законодательства, необходимой для исключения возникновения противоречивых вопросов, споров и дискуссий. В последнее время данные процессы всё больше затрагивают несовершеннолетних, их права, обязанности, основания для эмансипации и следующие за ней последствия.

В соответствии со ст. 27 ГК РФ «Несовершеннолетний, достигший 16 лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту, или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью» [1, ст. 27].

При достижении восемнадцатилетнего возраста гражданин наделяется определёнными правами и обязанностями, предусмотренными его дееспособностью. Российское законодательство предусматривает возможность их получения ранее установленного возраста вследствие эмансипации.

Гражданский кодекс определяет следующие основания для приобретения полной дееспособности:

- Достижение возраста 16 лет;
- Заключение трудового договора и осуществление деятельности по нему;
- Занятие предпринимательской деятельностью.

Для эмансипации лица, не достигшего возраста 16 лет, основанием является вступление в брак (с учётом предусмотренного каждым субъектом РФ допустимого брачного возраста).

Под изменением правового статуса несовершеннолетнего подразумевается приобретение им определённых прав на совершение сделок, уже не требующих письменного согласия его законных представителей. Здесь же рассматривается вопрос свободного

распоряжения своим имуществом, в том числе тем, которое было приобретено со средств заработной платы или получено в результате осуществляемой предпринимательской деятельности. Помимо этого, эмансипация приводит к снятию ответственности с законных представителей несовершеннолетнего за его действия.

Следует отметить, что эмансипация обладает различными проблемами, решение которых крайне необходимо для обеспечения благоприятных условий самореализации несовершеннолетних граждан и дальнейших перспектив их саморазвития.

Сопоставляя признание за эмансипированным несовершеннолетним полной дееспособности и последующее фактическое её осуществление, можно выявить частичный характер практической реализации [2, с. 101]. Так он по-прежнему не сможет участвовать в правоотношениях, которые возникают исключительно при достижении определённого возраста. Например, эмансипация не затрагивает процессов, связанных с приобретением оружия, несением воинской обязанности и получением водительских прав. Такие ограничения являются полностью обоснованными.

По правилам дорожного движения к управлению автомобилем допускаются лица, достигшие возраста 18 лет и сдавшие соответствующие экзамены. Эти условия в соответствии с законодательством являются безоговорочными, так как транспортные средства характеризуются крайней степенью опасности, а гражданская дееспособность не обосновывает полную готовность гражданина нести всю полноту ответственности за жизнь и здоровье людей. Так очень важно понимать, что эмансипация в первую очередь связана с деньгами, бумагами и имущественной независимостью от родителей, а в других сферах жизнедеятельности «взрослость» досрочно не наступает.

Независимо от факта эмансипации уголовное законодательство также рассматривает несовершеннолетних в качестве специального субъекта правоотношений, что позволяет применить к таким правонарушителям более мягкие санкционные меры, отвечающие критериям гуманности по отношению к подросткам, установленным международными актами. Это подтверждает приобретение именно гражданской дееспособности, не влияющей на уголовную деликтоспособность несовершеннолетнего. Точно также многими административными процедурами не учитывается наличие факта эмансипации.

Каждый человек с точки зрения психофизического развития созревает в индивидуальном темпе, из-за чего достижение

совершеннолетнего возраста или активная предпринимательская деятельность не могут полноценно свидетельствовать о готовности подростка к признанию его полной дееспособности [4, с. 35]. Данный критерий является необходимым в рассматриваемом вопросе. Включенность условия физической, психической и социальной зрелости в гражданское законодательство положительно повлияет на общественные процессы, затрагивающие правовые аспекты личности. Это дополнительно подтвердит способность гражданина понимать свой статус и положение в обществе, руководить своими действиями и являться полноправным субъектом юридической ответственности. Так кандидату на эмансипацию рекомендуется проходить специальные психологические обследования, дающие научно-обоснованные заключения об уровне его психического развития.

Для решения этой проблемы можно внести корректировки во всю систему признания несовершеннолетнего эмансипированным. Было бы наиболее эффективно создать специальный коллегиальный орган из специалистов разной категории, которые смогли бы дать качественную объективную оценку подростка. Это положительно скажется на всех сферах жизнедеятельности эмансипированного гражданина и лицах, непосредственно взаимодействующих с ним. На данный момент, по законодательству этим вопросом занимаются органы опеки и попечительства или суд, к сожалению, не уделяющие этому вопросу требуемого пристального внимания.

Рассматривая закрепление за несовершеннолетним лицом полной дееспособности, можно выделить ещё одну, немаловажную, на мой взгляд, проблему – отсутствие в Гражданском кодексе условий, отменяющих эмансипацию. Основаниями для этого могут служить условия, изложенные в ст. 30 ГК РФ, а именно: алкоголизм и наркозависимость [1, ст. 30].

Одну из немаловажных и актуальных проблем выявил анализ документов в различных субъектах РФ, который показал, что единый порядок и перечень документов для процесса эмансипации отсутствует. Это в лишний раз показывает недостаточность внимания к данному вопросу, так как наличие общего стандарта предотвратит возникновение дальнейших проблем и несостыковок в процессах, непосредственно связанных с признанием несовершеннолетнего гражданина полностью дееспособным.

В законодательстве не закрепляется наличие дохода подростка в качестве обязательного условия. В соответствии со ст.27 ГК РФ для того, чтобы эмансипировать несовершеннолетнего, достаточно факта его регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или

наличия трудового договора [1, ст. 27]. Однако это не говорит об его готовности к самостоятельному проживанию и полной независимости от родителей.

На фоне быстро сменяющихся условий жизнедеятельности, активного развития общественных процессов, законодательство не всегда преуспевает в «адаптации» к ним, из-за чего также возникает ряд проблем. Например, сейчас активно набирает популярность такое понятие, как «фриланс» - способ заработка, позволяющий сотрудничать с разными работодателями без постоянного трудоустройства в какой-либо организации. Данное направление всё сильнее привлекает подростков, студентов и других лиц, не имеющих на данный момент возможность полноценного трудоустройства по тем или иным причинам. Однако доход от фриланса на учитывается при установлении возможности факта эмансипации. Из-за этого многие несовершеннолетние получили отказ при обращении, несмотря на полную возможность к самообеспечению и дальнейшему трудоустройству.

Таким образом, сегодня, когда появляется всё больше методов заработка и самореализации, эмансипации становится недостаточно для разрешения всех возникающих практических проблем, из-за чего этот механизм в России сопровождается теми или иными проблемами. В свою очередь сама процедура особой популярностью не пользуется из-за отсутствия как такового расширения прав несовершеннолетнего и четкой и прозрачной процедуры реализации. Рекомендуется ввести ряд изменений, в том числе предложенных в данной статье, которые определённо позволили бы популяризировать институт эмансипации в нашей стране и сделать процедуру более понятной и обоснованной.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2020) (с изм. и доп. от 06.08.2021) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Курбатов, А. Я. Проблемы применения норм гражданского права : учебное пособие для вузов / А. Я. Курбатов. — Москва : Издательство Юрайт, 2022. — 153 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13456-8. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/497556> (дата обращения: 15.10.2022).
3. Разумовская, Е. В. Гражданское право. Общая часть : учебник и практикум для вузов / Е. В. Разумовская. — 6-е изд.,

перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2022. — 249 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-14726-1. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/488640> (дата обращения: 12.10.2022).

4. Саенко, Л. В. Актуальные проблемы гражданского права и процесса : учебное пособие для вузов / Л. В. Саенко, Л. Г. Щербакова. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2022. — 265 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-11453-9. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/495431> (дата обращения: 12.10.2022).

5. Шаблова, Е. Г. Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права : учебное пособие для вузов / Е. Г. Шаблова. — Москва : Издательство Юрайт, 2022. — 93 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-05637-2. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/493666> (дата обращения: 15.10.2022).

© Д.Э. Адами, 2022

УДК 347

Артамонникова С.В.,
аспирант Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский
государственный университет»

Воля как основополагающий элемент правосубъектности участников сделок, совершаемых в электронной форме

Аннотация: Любая гражданско-правовая сделка представляет собой, прежде всего, волевой акт, определяющий желание лица породить определенные юридические последствия (внутренняя воля), выраженное в доведении до сведений других субъектов - как участников данного гражданско-правового отношения, так и иных лиц (волеизъявление). Проявление волеизъявления и соответствия воли и ее выражения влечет за собой вопрос действительности, либо оспоримости сделки вследствие «порока воли». Установление в электронных сделках действительной общей воли сторон является

одним из способов его толкования, для правильного применения которого необходимо определить, что представляет собой воля в сделках, совершаемых в цифровом формате.

Ключевые слова: воля, волеизъявление, электронные сделки, правосубъектность, порок воли.

UDC 347

Artamonnikova S.V.,
postgraduate student of the Federal State Autonomous Educational
Institution of Higher Education "Volgograd State University"

Will as a fundamental element of the legal personality of participants in transactions made in electronic form

Abstract: Any civil law transaction is, first of all, a volitional act that determines a person's desire to generate certain legal consequences (internal will), expressed in informing other subjects - both participants in this civil law relationship and other persons (expression of will). The manifestation of the will and the correspondence of the will and its expression entails the question of validity or the contendability of the transaction due to the "vice of the will". The establishment of a valid common will of the parties in electronic transactions is one of the ways of its interpretation, for the correct application of which it is necessary to determine what constitutes a will in transactions made in digital format.

Keywords: will, expression of will, electronic transactions, legal personality, vice of will.

Внедрение высоких технологий в правовую жизнь общества – одно из основополагающих направлений современной юридической науки. Самым ярким проявлением цифровой трансформации является введение электронного документооборота, появления цифровых подписей, возможность совершать юридически – значимые действия дистанционно. В связи с этим становится остро и вопрос изучения правовых норм, имеющих свою специфику в силу изменения формата правовых отношения.

Правосубъектность возникает там, где намечаются субъекты гражданских правоотношений. Именно правосубъектность позволяет отграничить субъекты и объекты гражданских прав, или она выступает своеобразным мерилom содержания общественных отношений, регулируемых гражданским правом[1].

Категория правосубъектности играет одну из ключевых ролей в гражданских правоотношениях и становится необходимой тогда, когда следует разграничить участников гражданского оборота от предметов, объектов, благ, по поводу которых именно субъекты гражданских прав взаимодействуют друг с другом.

Как отмечается в литературе, физическое лицо, совершающее сделки и юридические поступки, самостоятельно, по своему усмотрению формирует содержание своего юридического действия. Границы выражения воли такого лица рассматриваются через правовые категории: а) дееспособности; б) способности понимать значение своих действий и руководить ими; в) свободы формирования воли. Процесс формирования воли дееспособных физических лиц на законодательном уровне не определяется, поскольку право не может регулировать внутренние мыслительные процессы. Право способно регламентировать только поведение, т.е. деятельность, имеющую внешне выражение, но не мыслительную активность и чувства. Процесс формирования воли физического лица есть исключительно его психический процесс, поэтому закон не устанавливает никаких правил относительно того, как именно человек приходит к тому или иному выводу, решению [1].

Рассматривая волю - как основополагающий момент в сделках, совершаемых в электронной форме, встает вопрос о том, можно ли считать, что применение цифровой подписи дает гарантию сторонам в осознанном действии субъекта, понимании значения своих действий и последствий, не находится под влиянием заблуждения, обмана, насилия, угроз. Эмоционально – психологическое состояние гражданина в момент получения электронно-цифровой подписи и в период ее непосредственного применения могут существенно отличаться. Законодатель указывает на то, что при электронных сделках необходимо достоверно определить лицо, выразившее волю, однако, никаким образом не обозначает способы определения достоверности воли и волеизъявления стороны сделки.

Воля в гражданских правоотношениях представляет собой симбиоз внутреннего психического процесса, с результатом в виде принятия определенного решения и проявления этого решения вовне (волеизъявления). Для действительности сделки этот тандем должен быть един.

Воля, как неотъемлемый элемент сделки отличает ее от юридических событий и фактов. Но главный, определяющий момент в сделках, в том числе электронных – волеизъявление, так как без выражения воли вовне, она не несет за собой юридических

последствий. А отсутствие истинной воли в волеизъявлении влечет признание сделки, совершенной с «пороком воли».

Совершение сделки в цифровом формате предполагает наличие воли и сознания в том объеме и на том уровне, который позволит полностью понимать значение своих действий. Но, используя электронный документооборот достоверно можно определить только лицо – обладателя подписи, но никак ни его волю. Решить вопрос, связанный с определением достоверности воли лица в данном случае, представляется возможным путем выдачи и формирования цифровой подписи непосредственно перед подписанием конкретного договора. Таким образом, уполномоченная организация, при выдаче ЭЦП сможет достоверно подтвердить, что подпись была выдана именно для цели подписания конкретного документа.

Основополагающим элементом, подтверждающим выраженную волю лица, является его личная подпись. Она неразрывно связана с личностью, имеет специфические свойства и характеристики, которые присущи именно конкретному человеку. Электронная же подпись представляет собой сгенерированный набор элементов, который формируется при помощи технических средств и к личности, как непосредственному участнику, отношение имеет лишь формальное. Поэтому, нам кажется, считать электронно-цифровую подпись лица, как идентифицирующий элемент сделки, можно лишь условно.

Не до конца понятна и ситуация применения простой электронной подписи (ПЭП), формирование которой осуществляется технически и требует лишь согласование сторонами данного способа подписания документов. В отличие от ЭЦП, выдаваемой удостоверяющим центром, несущим ответственность за сведения о личности лица и о его персональных данных, ПЭП используется как наиболее простой способ подтверждения своей воли. При этом, например, при СМС- подписании договора (как одним из самых распространенных способов использования ПЭП), личность сторон достоверно идентифицировать сложно, так как максимум, что требуется в данном случае – это регистрация и возможное фото документа, удостоверяющего личность.

С конца 2020 года Основы законодательства Российской Федерации о нотариате дополнены ст. 53.1, согласно которой нотариусы получили право дистанционного удостоверения сделок между двумя и более нотариусами. Тем самым законодатель закрепил возможность иметь дополнительную степень защиты документа и подтверждения действительных намерений сторон в виде

нотариального документа. Таким образом, и вопрос подтверждения выраженного волеизъявления при такой форме договора имеет повышенную доказательственную силу, так нотариус в соответствии со ст. 54 вышеуказанного нормативно-правового акта обязан разъяснить сторонам значение и смысл удостоверяемого документа, а также проверить соответствие содержания действительным намерениям сторон и соблюдения всех требований закона.

Правосубъектность лиц-участников сделок в сети «Интернет» отличает то, что воля лица выражается не традиционным способом, а путем использования электронных и технических средств, позволяющих достоверно определить лицо, выразившего волю, но не может с той же достоверностью подтвердить действительность воли и волеизъявления сторон сделки. Электронный документооборот прочно внедряется в гражданский оборот, но, как и все новое, имеет ряд нюансов и правовых проволок, решение которых необходимо закрепить на законодательном уровне.

Список использованной литературы:

1. Полич С.Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц - участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. N 4. С. 664 - 684.

© С.В.Артамонникова, 2022

УДК 347.27.01

Бжассо А.А.,
студент магистратуры,
Донской государственной технической университет,
г. Ростов-на-Дону

Коллизии правового регулирования ипотеки

Аннотация: Данная статья посвящена коллизиям правового регулирования ипотеки в России. Освещаются основные проблемы современного правового регулирования ипотечного кредитования в

России, в частности, рассматриваются пробелы и противоречия в действующем законодательстве.

Ключевые слова: имущество, залоговые правоотношения, залог имущества, правовое регулирование ипотеки.

В настоящее время ипотека является самым востребованным типом залога. Это связано с тем, что недвижимость, приобретаемая по программе ипотеки, как правило, имеет высокую ликвидную стоимость, что мотивирует заемщика надлежащим образом выполнять свои денежные обязательства.

Доля ипотеки в розничных кредитах растет ежемесячно. Так, портфель ипотечных кредитов на 1 августа 2022 года составляет 51,6% всех кредитов, выданных банками населению, а еще в начале этого года составлял 49,7% (рис. 1).

Рис.1. Доля ипотеки в 2022 году.

Однако на практике в законодательстве ипотечного кредитования существует огромное количество недостатков из-за того, что нормативно-правовые акты, созданные для правового регулирования ипотеки порой не дополняют друг друга, а наоборот противоречат. В этой статье приведены в пример несколько таких острых коллизий.

Юридическая коллизия (коллизия в праве) – это противоречие между нормативными правовыми актами, а также между

компетенцией органов власти. Возникновение юридических коллизий в ипотечных правоотношениях явление достаточно распространенное. Как быть при возникновении такого противоречия, рассмотрим дальше.

В России ипотечное кредитование регулируется Гражданским Кодексом Российской Федерации (далее ГК РФ) [1], Федеральным Законом «Об ипотеке» от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ [2], Федеральным Законом «О государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ним» от 21 июля 1997 г. [3].

Гражданский кодекс Российской Федерации содержит принципы, имеющие большое значение для юриспруденции. Это коллизионные принципы, которые означают следующее: общие правила об ипотеке, в том числе об ипотеке недвижимого имущества, содержащиеся в ГК РФ, применяются к ипотеке, если специальный закон об ипотеке и его правовые нормы не предусматривают иных правил. Иными словами, нормы специального закона имеют приоритет перед нормами Гражданского кодекса.

Например, федеральный закон №102 «Об ипотеке» допускает передачу залоговых прав по закладной без государственной регистрации залога. Права на закладную должны подтверждаться крайней отметкой на ней, которая проставляется предыдущим владельцем. Однако в Гражданском кодексе прописано, что залог подлежит государственной регистрации и возникает с момента такой регистрации при приобретении имущества. Следовательно, нормы закона «Об ипотеке» устанавливают исключение относительно государственной регистрации перехода залоговых прав на жильё по закладной. В данной ситуации приоритет имеют нормы федерального закона «Об ипотеке» перед нормами ГК РФ о регистрации залога [6].

С другой стороны, в отношении нововведенных норм ГК РФ можно применить принцип приоритета норм нового закона над нормами более позднего закона. Что еще более усложняет разрешение коллизий залогового законодательства.

А именно, с вступлением в силу Федерального закона от 21.12.2013 г. №367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации» [5] с 01.07.2014 года сложилась ситуация, при которой многие общие положения ГК РФ противоречат специальным положениям Федерального закона от 16.07.1998 года №102-ФЗ «Об ипотеке».

Исходя из описанных выше примеров установить общее для всех случаев правило применения норм того или иного нормативного акта невозможно, поэтому применяя нормы разных законов, необходимо учитывать содержащиеся в них правила, а также конкретные обстоятельства, определяющие отношение между новым законом и более ранним.

Описанные выше коллизии это лишь несколько примеров существующих в российском законодательстве противоречий. Каждый такой случай требует отдельного изучения и анализа, а создание прецедента станет крепкой основой и хорошим примером при решении последующих коллизий в правовом регулировании ипотеки.

В заключение хотелось бы отметить, что в целях будущего развития отрасли жилищного кредитования в Российской Федерации и укрепления правового регулирования данного института нужно придерживаться следующих правил:

1. Исключить любые противоречия в текущем законодательстве;

2. Необходимо согласование всех правовых актов. Нормативные документы в РФ, которые относятся к разным отраслям и подотраслям права, приводятся в соответствие друг с другом лишь формально, а значит ведет к противоречию в законодательстве.

Применяя данные правила, можно не только избежать коллизий в правовом регулировании ипотечного законодательства, но и создать уникальную нормотворческую базу, которая будет ориентиром на развитие не только ипотечной отрасли, но и всей сферы залогового права.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Федеральный закон №51-ФЗ от 30 ноября 1994 г. (ред. от 25.02.2022 г.) // СПС Консультант Плюс [электронный текст].

2. Об ипотеке (залоге недвижимости): федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) // СПС Консультант Плюс [электронный текст].

3. О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) // СПС Консультант Плюс [электронный текст].

4. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон N 367-ФЗ от

21.12.2013: с изменениями на 26.07.2017 г. // СПС Консультант Плюс [электронный текст].

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 14.05.2019 N 46-КГ19-4 // СПС Консультант Плюс [электронный текст].

© Бжассо А.А. 2022 г.

УДК 343.97:343302(470)

Гарифуллина Р.Ф.,
кандидат юридических наук, доцент,
Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа

Детерминанты экстремистской преступности

Рассмотрим причины и условия, способствующие совершению преступлений экстремистского характера.

Отдельные ученые не делят причины и условия преступлений экстремистского характера на группы, а рассматривают только различные психологические особенности поведения лиц, которые явились причиной совершения указанных преступлений [1]. Вместе с тем, считаем, что причины и условия рассматриваемых преступлений следует выявлять и изучать комплексно. В названном комплексе следует говорить об экономических, социальных, политических и духовных факторах.

Масштабным детерминантом совершения преступлений экстремистского характера являются экономические факторы. Рассматривая экономические факторы, нельзя не сказать об уровне жизни населения. Указанная составляющая напрямую влияет на увеличение вероятности приглашения молодежи в различные экстремистские ячейки. Более того, низкий уровень жизни провоцирует расслоение общества, что также благоприятствует возможностям вовлечения населения в экстремистскую деятельность, в особенности несовершеннолетних лиц или молодежи.

Следует заметить, что в условиях пандемии коронавирусной инфекции, которая повлекла значительный экономический спад, решение вопросов экономической помощи отдельным слоям населения может иметь должный эффект, в том числе и в сфере противодействия преступлениям экстремистского характера. Кроме

того, вследствие дистанционной (удаленной) работы, дистанционного образования у граждан, в том числе у несовершеннолетних высвободилась много свободного времени, которое они проводят в социальных сетях, где в основном и осуществляется вербовка новых сторонников экстремистских идей. У многих граждан, в связи с потерей работы отсутствует возможность оплачивать детям дополнительное образование и занятия спортом, что также способствует высвобождению свободного времени [2].

Кроме того, низкий уровень жизни влияет и на то обстоятельство, что отдельные категории граждан с низким достатком готовы на любые действия, чтобы удовлетворить свои потребности, чем пользуются лица, осуществляющие вербовочные действия.

При рассмотрении экономических факторов, которые влияют на совершение преступлений экстремистского характера, следует указать, что и достаточно высокий уровень жизни населения может способствовать совершению рассматриваемых преступлений. Об этом свидетельствуют примеры совершения преступлений экстремистского характера в развитых странах лицами, которые не испытывают материальных потребностей. В таких случаях следует выявлять детерминирующие факторы иного характера.

Среди основных социальных факторов, которые влияют на совершение преступлений экстремистского характера, необходимо назвать миграционные процессы. Отдельные авторы утверждают, что миграционные процессы, как детерминант совершения преступлений экстремистского характера необходимо рассматривать только в западных европейских странах [3]. Однако, по нашему мнению, указанный социальный процесс напрямую воздействует на количество совершаемых рассматриваемых преступлений на территории Российской Федерации.

На сегодняшний день для Российской Федерации неконтролируемая миграция является достаточно серьезной проблемой. На государственном уровне принимаются различные нормативные акты, призванные сдержать указанный негативный процесс. Без сомнения, указанная проблема ложиться и на плечи органов внутренних дел, где созданы отдельные подразделения по вопросам миграции. Более того, контроль в данной области осуществляется почти всеми подразделениями органов внутренних дел.

Здесь важно обратить внимание на необходимость привития правомерного поведения как самим прибывающим мигрантам, так и гражданам России. Учитывая факторы необходимости закрытия границ, отмены сообщения между странами в связи с мировой пандемией

коронавирусной инфекции, нельзя забывать о том, что переброска мигрантов, которые должны осуществлять экстремистскую деятельность может осуществляться нелегально. Кроме того, все чаще используются иные средства привлечения к экстремистской деятельности граждан РФ, например вербовка в телекоммуникационных сетях.

Совершению преступлений экстремистского характера способствуют различные политические факторы. Среди них следует назвать геополитические кризисы, политическую нестабильность отдельно взятых регионов, многоконфессиональность, идеологический и патриотический вакуум российского общества, иные политические причины. Экстремистский контингент активно пользуется указанными процессами. В качестве примера следует назвать политический кризис, который сложился вследствие присоединения к Российской Федерации Республики Крым. На территории указанного субъекта Российской Федерации до сих пор продолжают незаконные действия лиц, осуществляющих экстремистскую деятельность, о чем свидетельствуют статистические данные совершенных экстремистских преступлений в указанном регионе.

Еще одной причиной увеличения преступлений экстремистского характера следует назвать расширение информационных возможностей и технологий. Указанная причина повышает возможности распространения экстремистских идеологий, а также вовлечению в рассматриваемый незаконный процесс широкий круг различных категорий населения страны. Таким образом, к причинам совершения и увеличения преступлений экстремистского характера следует относить не только негативные факторы, но и положительные, как вышеназванный. Расширение информационных возможностей и технологий влияет не только на экономический рост, повышение уровня образования и т.д., но и на увеличение преступности, в том числе отдельно взятых групп преступлений, как например, преступлений экстремистского характера.

Как уже отмечалось, существует еще одна причина совершения рассматриваемых преступлений. Ее необходимо ассоциировать с негативным фактором, который связан с недостаточной эффективностью деятельности заинтересованных государственных органов, в том числе органов внутренних дел [4]. По нашему мнению к отдельным элементам такой неэффективности следует относить дефицит квалифицированных кадров по направлению противодействия преступлениям экстремистского характера, низкая степень выявления причин и условий уже совершенных преступлений, низкая материально-техническая база, отсутствие должных методических материалов для сотрудников наружных подразделений органов внутренних дел, в том числе участковых уполномоченных

полиции по профилактике преступлений экстремистского характера.

Группа религиозных или духовных детерминант состоит из следующих элементов:

- социальное расслоение, вызывающее недоступность детям из малоимущих семей социального благополучия, в том числе качественного образования;

- крушение идей добра, гуманизма, демократии, справедливости, вызванное несоответствием социальной реальности с этими идеалами;

- вовлечение массовой культуры в сферу влияния преступного мира, показ модели противоправного поведения в средствах массовой информации;

- отсутствие увлекательных для подрастающего поколения и одновременно полезных для общества видов деятельности;

- падение авторитета педагогов, родителей, кризис школьного и семейного воспитания, вытекающая из этого неэффективность воспитательного воздействия.

- новые информационные технологии – сеть Интернет, социальные сети, в которых можно легко и обезличено распространять различные идеи, находить сторонников, подготавливать диверсии.

Следует отметить, что выбрать из названных причин и условий совершения преступлений экстремистского характера наиболее приоритетный не представляется возможным, так как все названные детерминанты дополняют друг друга и существуют в совокупности.

Список использованной литературы

1. Хажироков В.А. Основные детерминанты возникновения и распространения молодежного экстремизма в современных условиях // Журнал прикладных исследований. 2021. Т. 4. № 3. С. 70-73.

2. Коркмазов А.В., Газдиева Е.Х. Предпосылки и источники молодежного экстремизма в современных условиях // Образование и право. 2021. № 6. С. 314-318.

3. Ралевиц Д. Система европейской безопасности на современном этапе: проблемы и перспективы // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 12 (40). С. 1224-1231.

4. Абазов А.Б. Профилактические меры по противодействию радикализму и экстремизму в молодежной среде // Журнал прикладных исследований. 2021. Т. 2. № 5. С. 168-171.

© Р.Ф. Гарифуллина, 2022

Преимущества и недостатки жилищно-строительного кооператива

Согласно современному законодательству жилищно-строительный кооператив (далее – ЖСК) представляет собой такое особое сообщество, которое создается для одновременного объединения покупателей. Цели таких покупателей связаны с приобретением жилья; они на основании совмещения своих денежных средств совместными усилиями возводят жилье при помощи строительства.

Участники ЖСК вкладывают свои средства и с их помощью принимают участие в возведении, преобразовании и дальнейшем содержании многоквартирного дома (положения ч. 3 ст. 110 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ [1]). В соответствии с законодательством о градостроительной деятельности ЖСК играет роль и действует в соответствии с выданным такому кооперативу разрешением на строительство.

Независимо от регистрации в едином государственном реестре недвижимости права собственности члена ЖСК приобретение квартиры в нем происходит после всей выплаты стоимости паевого взноса (ч. 1 ст. 129 ЖК РФ).

На практике члены ЖСК приобретают статус собственника с момента введения дома в эксплуатацию; при этом паевые взносы обычно оплачиваются задолго до окончания строительства жилого помещения. Собственно подтверждение права участника кооператива на квартиру происходит посредством подтверждающих выплату паевых взносов документов.

В 2016 году была введена новелла, повышающая прозрачность ЖСК: была установлена обязанность ЖСК фиксировать в Единой информационной системе жилищного строительства (ЕИСЖС) те сведения, что аналогичны вносимым в систему застройщиками, занимающимися долевым строительством (ст.23.3 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ [2]). Через личный кабинет на ЕИСЖС члены ЖСК решают

вопросы взаимодействия с государственными органами: приобретают документы, предписания и отправляют отчетность.

К рассматриваемому виду кооператива не применяются некоторые обязательные для долевого строительства требования:

- формирование минимального размера уставного капитала,
- предоставление обеспечения своих обязательств,
- составление проекта будущего дома,
- опубликование проектной декларации.

Еще больше уменьшила риски пайщиков принятое в 2014 году постановление Верховного суда, в котором суд признал, что перед аккумулированием денежных средств ЖСК должен получить разрешение на строительство, оформить права на землю и обнародовать декларацию (постановление ВС РФ по делу №А32-29173/2013 от 14.11.2014 г [3]).

Стоимость пая включает текущие расходы, например, цену стройматериалов, оплату рабочего труда. В связи с тем, что жилищные кооперативы относятся к некоммерческим организациям и паевой взнос не включает в себя коммерческую составляющую, то цена за жилое помещение довольно дешевая. В отличие от ипотечного кредитования обязанность выплачивать большие проценты отпадает.

Возраст, с которого гражданин имеет право вступить в жилищные кооперативы, – 16-лет. В ЖСК имеют право вступать и юридические лица (ч. 1 ст. 111 ЖК РФ). Проект застройки нескольких многоэтажек и дома-коттеджа способна организовать достаточно небольшая группа людей, так как не имеется требований к минимальному количеству участников ЖСК.

Члены ЖСК формируют органы управления кооператива, обладают прямым доступом к кооперативным финансовым документам. Удешевляет строительство и то, что паевые взносы не облагаются налогами.

Участие в ЖСК не говорит о том, что строительство дома осуществляется своими силами. Обычно происходит совместный найм застройщика. Застройщики избираются из доступных предложений. Существует возможность сменить застройщика в случае невыполнения им своих обязательств или банкротства. При этом строительство растягивается, но не останавливается как в случае с договором долевого участия (далее – ДДУ) [4, с. 37].

Теперь перейдем к рассмотрению недостатков.

Во-первых, обычно люди считают, что они обязаны только заплатить деньги и за них построят жилье и передадут в собственность. Но в отличие от долевого строительства ЖСК

представляют собой корпорацию. С этим связано приобретение пайщиками прав участника корпорации: право избираться в правление ЖСК, право принятия участия в голосовании в случае формирования органов управления, право осуществления контроля за финансово-хозяйственной деятельностью организации.

Во-вторых, решение о приеме в члены ЖСК лежит на плечах общего собрания. Но прослеживается тенденция того, что в жилищных кооперативах собрания либо конференции членов проводятся очень редко или вообще не проводятся, так как у самих пайщиков нет заинтересованности в участии. Возникает проблема отсутствия у многих пайщиков ЖСК надлежаще оформленных, или утвержденных общим собранием, документов, касающихся их принятия в члены кооператива. Это чревато проблемами при защите их прав [5].

В-третьих, рассматриваемые некоммерческие объединения решают те проблемы, которые обычно ложатся на плечи коммерческих застройщиков: члены ЖСК самостоятельно связываются с архитекторами, приобретают стройматериалы у поставщиков, нанимают строителей, регулируют вопросы их оплаты, следят за тем, чтобы средств на счёт хватало. В связи с подобными обязанностями кооперативы не выдерживают конкуренции ни с долевым строительством, ни с менее рискованной, но зато очень дорогой ипотекой.

Очередной минус связан с принципом коллегиальной ответственности: в случае нехватки у одного из учредителей денежных средств, все остальные участники должны довести недостающие на балансе денежные средства.

В связи с тем, что регистрация права собственности на жилое помещение происходит только после постройки дома, то появляется возможность двойных продаж. Договор о внесении паевого взноса не проходит регистрацию в Росреестре. В соответствии с законодательством до момента регистрации государство не контролирует жилищно-строительные кооперативы [6, с. 259].

Помимо этого есть риск подорожания строительства. Случается, что заключительная цена квартиры в разы отличается от изначальной. В уставе кооператива обычно содержатся положения о внесении дополнительных взносов в целях покрытия образовавшихся убытков, об уточнении стоимости пая согласно понесенным затратам, об введении дополнительных взносов и платежей, об увеличении размера членских взносов.

Наконец, в случае банкротства члены ЖСК не могут претендовать на погашение требований через передачу объекта

незавершенного строительства и создания нового кооператива (ст.201.15-4 закона № 127-ФЗ [7]). Им остается надеяться только на распродажу имущества и привлечение к субсидиарной ответственности руководителей ЖСК.

Список использованной литературы

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ [в ред. от 07.10.2022] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 14.

2. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ [в ред. от 14.03.2022] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 40.

3. Постановление Верховного Суда РФ от 14 ноября 2014 г. № 308-АД14-23 по делу № А32-29173/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Алибекова Э. Ф., Ильясова У. Н. Преимущества и недостатки жилищных и жилищно-строительных кооперативов // Вестник науки и образования. 2020. № 19 (97). С. 36-39.

5. Интернет-ресурс: Жилищно-строительный кооператив в России. <https://realty.rbc.ru/news/584e81fe9a794769c22680e4> (Дата обращения: 01.04.2012).

6. Дудник А.В., Марфицын С.В. Жилищно-строительный кооператив как инструмент решения жилищной проблемы на селе // Проблемы современной экономики. 2018. С. 258-261.

7. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ [в ред. от 28.06.2022] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

© А.В. Ибашаева, 2022

Проблемы уголовного законодательства российской федерации в области генной инженерии

С 1972 года в мире новая самостоятельная наука за короткий срок, оказавшая огромное влияние на развитие молекулярно-генетических методов, и позволила существенно продвинуться по пути познания строения и функционирования генетического аппарата. Наука получила название «Генная инженерия». С помощью генной инженерии стало возможно получать лекарства, лечить болезни, развивать сельскохозяйственную деятельность: выращивание овощей, злаков, плодово-ягодных культур, злаковые культуры, цветоводство. Также были разработаны методы, при которых открывается возможность клонировать объекты, то есть создавать генетически идентичные копии отдельных клеток органов, систем или целого биологического организма.

Не всё бывает настолько хорошо. Высвобождение генно-модифицированных организмов имеет множество потенциальных опасностей. В связи с этим данную область науки необходимо регулировать на государственном уровне и при нарушении установленных рамок применять соответствующие наказания.

Регулирование генной инженерии обязательная по некоторым причинам. Как сама наука она довольна молода и мало изучена технологии и методы имеющиеся не совсем идеальны и точны. Внешняя управляемость генов и извлекаемость из других организмов – это миф. Технология работала, но и была непредсказуемой, так были замечены моменты, что и менялись иные фрагменты ДНК. Могут быть удалены последовательности из тысячи ДНК или даже полностью их переделывать. Существуют примеры, когда в результате селекции выводили сорта растений, которые токсичны для человека.

Существующие требования по проверке на безвредность крайне недостаточны. Они совершенно явно составлены таким образом, чтобы упростить процедуру утверждения. Они позволяют использовать крайне нечувствительные методы проверки на безвредность. Поэтому существует значительный риск того что опасные для здоровья продукты питания смогут пройти проверку незамеченными.

Законодательство Российской Федерации имеет в своем распоряжении Федеральный закон № 86 от 5.7.1996 г. «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности». Данным законом введены понятия о генной инженерии, о генотерапии и т.д. Описаны основные направления государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности. Генно-инженерная деятельность должна основываться на принципах: безопасности граждан и окружающей среды, безопасность клинических испытаний, методов генодиагностики и генной терапии на уровне соматических клеток и т.п.

Нужно отметить, что данный акт неоднократно подвергался критике обширного научного контингента. Юридическое сообщество, специалисты биологи и конечно же генетики. Не проработанность терминов, ограниченный круг регулируемых отношений. Кроме того, российские биологи отмечают недостаточность научного обоснования принципов безопасного использования генно-модифицированных микроорганизмов, а также в целом запретительный характер норм законодательства в сфере генно-инженерной деятельности.

Не стоит забывать о клонировании. На законодательном уровне клонирование в РФ запрещено Федеральным законом № 54 ФЗ от 20.05.2002 года «О временном запрете на клонирование человека», где указывают что запрет установлен исходя из принципов уважения человека, признания ценностей личности, необходимости защиты прав и свобод человека и изученности биологических и социальных последствий клонирования человека.

Проблемой всей генной инженерии на данном этапе, по моему мнению, является как рассматривать нарушения законодательства. Нарушения в данной области ведь приводят и к экологическим бедствиям при выпуске генно-модифицированных объектов в природу, но и создания биологического оружия, что также может быть произведено с помощью генной инженерии. Не забываем о клонировании людей, эмбрионов за нарушения, которых законодатель не предусмотрел и до сих пор не ввел ни одного какого-либо наказания. При выпуске в природу ГМО законодательством конечно предусмотрено наказания. Так в Уголовном кодексе Российской Федерации есть глава 26 «Экологически преступления» содержит в себе ст. 248, которая предусматривает уголовную ответственность за нарушения правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами. В основе всех статей УК РФ, ответственность за экологические преступления носят бланкетный характер и расходится

с требованиями экологической безопасности, актуален вопрос о правильной квалификации предмета преступлений, предусмотренных ст. 248. Экологическое преступление имеет материальный состав, считается оконченным, если причинен вред здоровью человека либо же возникла эпидемия и иные тяжкие последствия.

Также стоит обратить внимание что методы генной инженерии можно применить и в террористических актах с применением довитых, токсичных и опасных биологических веществ. Необходимо уточнить, что понятие биологические вещества не охватывают биологические организмы и микроорганизмы, в том числе генно-модифицированные. Для избежания проблем с квалификацией стоит также пересмотреть понятия и усовершенствовать законодательство, а именно в ч. 3 ст. 205 расширить понятие биологического вещества или же заменить на более обширное, к примеру, патогенных микробиологических либо биологических агентов.

Уголовная же ответственность за клонирование человека на данный момент отсутствует. Появляется вопрос, почему при принятии закона «О временном запрете на клонировании человека» не сопровождались соответствующими внесениями поправок в уголовный кодекс РФ? Как тогда будет исполняться нормально запрет установленный государством? По данным вопросам ведь можно обратиться к иностранному законодательству где также на государственном уровне стоит запрет на клоинирование человека. Заимствовать можно из законодательства Германии, где довольно обширно описано и сказано, какая будет применена санкция к тому, кто нарушает законы о клонировании. Для российского законодательства на данном этапе будет достаточно внести хотя бы новую статью где будет применяться уголовная ответственность, за клонированиичеловека, ввоз или вывоз клонированных эмбрионов человека, а также вмешательство в генотип человека, не связанное с лечением.

Считаю своевременным и необходимым принятие федерального закона о внесении изменений в УК РФ с тем, чтобы закрепить в разд. VII «Преступления против личности» нормы, предусматривающие уголовную ответственность за репродуктивное клонирование человека, использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, а также за вывоз человеческого эмбриона из Российской Федерации в аналогичных целях. При столь стремительном развитии генной инженерии, необходимо столь же быстро реагировать на внесение границ

использования генной инженерии, и также за столь тяжкое вмешательство в генотип человека, в ценности каждой личности, пресекать на корню.

Список использованной литературы:

1. Блинов, А.Г. Некоторые направления уголовно-правового противодействия клонированию человека / А. Г. Блинов // Общество и право. – 2014. – № 1 (47). – С. 82–86.
2. Генная инженерия // Российское трансгуманистическое движение: сайт.
3. Гурылёва, М.Э. Этико-правовые проблемы клонирования человека / Марина Элисовна Гурылёва, Гульнара Муллауровна Хамитова // Казанский медицинский журнал. – 2019.
4. Капинус, О.С. Ответственность за клонирование человека в современном уголовном праве / О. С. Капинус, В. Н. Додонов // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: сборник статей. – Москва: Буквоед, 2008. – С. 147–159.
5. Крылова, Н.Е. Уголовное право и биоэтика (уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Крылова Наталья Евгеньевна. – Москва, 2006.
6. Шилок, Т.О. Основные направления деятельности федеральных органов исполнительной власти в области генной инженерии.

© И.Р. Коробков, 2022

Структура политических коммуникаций России на современном этапе

Политические коммуникации можно определить как инструменты взаимодействия политических акторов между собой, подразумевая под этим как вертикальную, так и горизонтальную коммуникации, взаимодействующие друг на друга.

Рассмотрим российский политический процесс как пример коммуникационного управления.

На политические коммуникации России значительно повлияло развитие средств массовой коммуникации и выведение этих средств на почву трансформирующегося медийного пространства, которое видоизменяется в условиях внедрения новых технических способов передачи информации.

Исследователи, прорабатывающие вопросы политической коммуникации в рамках теории информационного общества отмечают появление возможностей демократического участия в политическом процессе и развитие гражданского общества [6, с. 46]. Гражданские инициативы гораздо проще передавать государственным структурам, так как горизонтальная коммуникация напрямую воздействует на принятие политических решений. СМИ, помимо основного канала передачи информации, является мониторингом механизма контроля за соблюдением этичности и реализации политической деятельности лидерами и органами государственного управления.

Для того, чтобы охарактеризовать политические коммуникации РФ на современном этапе необходимо обратиться к теории мониторинга демократии Дж. Кина. Благодаря этому подходу мы сможем определить механизмы регулирования социально-политической жизни общества. В своем исследовании «Демократия и декаданс медиа» Дж. Кин определяет мониторинговые институты как общее стремление увеличить разнообразие и весомую значимость голосов граждан, а также расширить спектр рассматриваемых социально значимых вопросов. С функционально-прикладной точки зрения они способны выступать в качестве «институтов-поводырей», контролирующими соблюдение демократических правил от «хищников и врагов». Примерами могут служить такие институты, как

избирательные комиссии, общественные организации, борющиеся с коррупционными факторами и т.д. Мониторные институты могут устанавливать временные рамки органам власти для рассмотрения долгосрочных проектов, как пенсионная реформа, мероприятия в борьбе за экологию и других социально значимых задач. Согласно мониторинг демократии, потенциально все сферы социально-политической жизни могут стать объектом гражданского контроля, запуская при этом следующих политических игроков: внепарламентских, неизбранных органов, непартийных организаций.

В своем исследовании австралийский политолог обращает внимание на проблему коммуникационного избытка. Он полагает, что при возникновении ситуации обрушения инновационных форм медиа, мониторинг демократии в одночасье прекратила свое существование. Коммуникационное избытие в большинстве своем содержит противоречия и разочарования [4, с. 48]. Обозначим проблемы, которые влечет за собой перенасыщение коммуникативными каналами:

- Формирование коммуникационной бедности.

Можно говорить о большой разнице между возможностями медиабогачей и медиабедняков. Причем последние практически выбывают из коммуникативного процесса, так как ограничены в покупательских способностях создавать, распространять и покупать информационный контент.

- Повышенный уровень подозрительности со стороны общества.

Обитая в информационном пространстве, переполненном сведениями о политическом управлении и полностью раскрытой социально-политической жизнью, граждане способны сформировать в себе привычку постоянного контроля за исполнением политических обязанностей. Могут возникнуть требования отчетности о проделанной работе и сумме затраченных средств.

Уже сегодня развитые страны, особенно скандинавские государства, работают по схеме отчетов перед населением, используя инструменты общего голосования по важным социально-экономическим вопросам. Формируя государственный бюджет из налоговых отчислений, граждане стремятся проследить за дальнейшим развитием этих вложений. Показателями продуктивности здесь выступает совершенствование социальной инфраструктуры (качественное образование, медицина), социальная поддержка

населения (страховки в случае потери основного дохода, льготы на использование государственных природных ресурсов и т.д.).

Для властных органов необходимо учитывать сформировавшийся нюанс: в режиме «онлайн» граждане становятся частными журналистами, создавая собственные информационные поводы, исходя из фиксирования каждого неуклюжего и противоречивого шага. Это может стать угрозой сохранения устоявшейся политической позиции и стать причиной моментальных политических перестановок. Бывает еще проблема достоверности переданной информации таким способом, так как нельзя сразу установить посыл распространения компрометирующих материалов.

Коммуникативное пространство в качестве канала манипуляции могут использовать не только заинтересованные элиты, но и сами граждане, преследующие собственные общественно-политические намерения. И тем не менее, эти функции контроля одобряются мониторингом демократией, потому что даже радикальные формы слежения позволяют обществу обрести властные функции.

– Маркетинговая журналистика.

Акцентируем внимание на том, что сами журналисты могут вести агрессивную деятельность, намеренно демонстрируя слабость политического управления. Она может формировать негативное восприятие властных структур у граждан, ссылаясь на непроверенные источники. И речь здесь не в том, что существуют оппозиционные взгляды (что совершенно нормально и даже свойственно гражданскому обществу), а в осознанном учинении скандальных ситуаций, подрывающий выстраиваемую коммуникацию между государством и населением.

Может сложиться мнение, что в целом коммуникационное изобилие со временем отражает все больше негативных аспектов, однако это не совсем так.

Огромное количество новостных источников, дискуссионные программы, публичные обсуждения и иные формы вычленения конечного продукта – информации, позволяет человеку посмотреть на мир шире. Существует вовсе не одна точка зрения на конкретный вопрос, проблемы можно решить, говоря о них и вырабатывая общее решение. Со временем у человека формируется критический метод мышления, ведь он самостоятельно пытается найти свою истину [3, с. 68].

Указанные проблемы позволяют проанализировать выстраиваемую коммуникационную политику России. Обозначить отношение органов государственной власти к источникам

распространения информации, формирующимся платформам для налаживания процесса обратной связи между населением и правительствами локального, регионального и федерального уровней.

Так, структурируем систему российской политической коммуникации, учитывая функциональные особенности входящих в нее компонентов:

- институциональный компонент, характеризующий взаимоотношения организационных структур как государственные органы власти, коммуникационные сети, политические партии и т.д.;

- материально-технический компонент, освещающий каналы передачи информации, теле- и радиокommunikационные сети, технические и информационные ресурсы и т.д.;

- информационный компонент, состоящий из способов трансляции социально-политических процессов при помощи СМИ.

Обращая внимание на исторические особенности становления Российской Федерации, можно говорить о продолжающей политике полного контроля и подчинения средств массовой коммуникации [5, с. 83]. Т.е. в российских условиях получается сформировать больше вертикальную коммуникационную модель – тщательная обработка поступающей информации гражданам и односторонняя манипуляция массовым сознанием.

Политические коммуникации направлены на одностороннее взаимодействие, проявляются тенденции доминирования правящей элиты и боязнь снижения процента одобрения деятельности органов государственной власти. Довольно неутешительная политика, которая может создать значительное число рисков: недоверие к органам власти, негативное отношение и непринятие политических решений.

Закрытый тип вертикальной коммуникации не является причиной замедления трансформации политических коммуникаций. В связи с этим можно обозначить тренды социальной динамики российских политических коммуникаций. Первый из них – внедрение новых информационных технологий. На момент проводимого анализа исследователем в 2016 году это были первые попытки цифровизировать политические процессы (к примеру, использовать систему видеонаблюдения за избирательными участками и транслировать ее онлайн, давая возможность гражданам стать независимыми наблюдателями за процессом голосования).

Вторым трендом является освоение инструмента «электронного правительства», т.е. модернизация политического управления с учетом перехода в цифровое пространство. Эта тенденция характерна благодаря созданным технологическим

условиям передачи и обмена информации, охватывающей социальную, политическую, экономическую, культурную и образовательную область, область здравоохранения. Гражданское общество может получать свежие новостные сводки о происходящих политических процессах.

Так, обозначим трансформацию цифровых коммуникаций.

Предоставление широкого доступа гражданам в сети Интернет, позволяющее гражданам выстраивать коммуникацию с государственными ведомствами. Разработка платформ политического участия: система электронного голосования, организация портала государственных услуг для удобного обращения по решению локальных вопросов в органы государственной власти и предложения социальных инициатив, организация интернет приемных депутатов и партийных организаций и т.д.

Сравнительно новый вид коммуникации – это переход политических деятелей в медийное пространство. Отныне депутаты, лидеры политических партий, председатели государственных ведомств стремятся выходить на открытый диалог с избирателями, комментируя и давая оценки происходящим политическим событиям. Да, это всё также односторонний коммуникативный вид, однако все больше набирает популярность метод упреждающего комментария, когда позиция здесь и сейчас приобретает свое оформление и новостное закрепление. Такое тесное сотрудничество со СМИ дает преимущества: общество может наблюдать за развитием условий, поддерживающих качество жизни и в целом наблюдать жизнь, даже если никаких существенных процессов не происходит. Н. П. Пименов полагает, что в этих условиях может формироваться имитация коммуникации, т.е. не живой диалог по насущным и востребованным темам, а просто заранее заготовленные шаблоны и нейтральные комментарии.

Чтобы уверенно пользоваться средствами массовой коммуникации как инструментом, необходимо выстраивать правильный политический дискурс.

Определим политический дискурс в СМИ как «сложное коммуникативное явление, целенаправленное на борьбу за власть при помощи формирования общественного мнения, используя текст, контекст и специальные языковые средства». Исследователи, занимающиеся изучением дискурса, подчеркивают сложность правильного составления политического текста. Здесь нужно учитывать способность коммуникатора сформулировать

информативный текст, понимать ожидания целевой аудитории и выбрать правильный работающий канал передачи.

В российском политическом процессе особенно важно бороться за легитимность со стороны населения, потому что это способствует сохранению внутривластной обстановки и является показателем соблюдения демократических основ для международных индексов. Процесс модернизации, усложнение общественно-политических отношений (появление механизмов мониторинга демократии) также актуализируют важность грамотно выстроенного политического дискурса в рамках политической коммуникации.

Даже процессы избирательных кампаний, а именно политический PR, вышел на значительно новый коммуникативный уровень. Раздаточные агитационные материалы уже не приносят того процента информирования, как в начале 2000-х годов. Нужно обратить внимание, что сегодня политический маркетинг не только направлен на продвижение конкретных политических сил в ходе избирательных гонок. Общим смыслом данного вида PR считается вновь поиск одобрения и поддержки властных структур.

Определение вида рекламного продукта исходит из политической потребности: попытка внедрить реформационные идеи, продвинуть социально-экономические проекты, оказавшиеся непопулярными или изначально негативно принятыми. Тем самым, власть старается побудить граждан принимать участие в политической жизни [2, с. 440].

Справедливо заметить, что развитие политического маркетинга в Интернет-пространстве – это результат государственной политики по отношению к оппозиционным силам, чье коммуникативное поле всячески ограничивается. Слабые горизонтальные каналы позволяют собирать вокруг себя небольшую аудиторию.

Исходя из вышесказанного, политические коммуникации в Российской Федерации формируются вокруг органов государственной власти, преимущественно федерального уровня. Коммуникативный процесс устроен по типу вертикальной и односторонней модели, что характеризует политический режим. Сам процесс политической коммуникации становится актуальным, так как существует запрос поддерживать развитие внутренней политики.

Обозначим причины образования нового институционального порядка в сфере политической коммуникации:

– запрос на формирование нормативно-правовой базы, регулирующих волнующие социально-экономические условия жизни

(законодательная и исполнительная власть в лице депутатов стремятся наладить обратную связь для выработки сбалансированных законных актов);

- необходимость формирования политической конкуренции в лице политических партий (активисты при помощи средств массовой коммуникации добились упрощения процедуры регистрации партийных организаций);

- общественный запрос на активное участие в политике (создание общероссийского народного фронта (ОНФ) как социального лифта, способствующего участию и формированию политики на муниципальном уровне)

- создание стихийных общественных объединений (неформальные неполитические движения, которые исполняли роль инициативных команд, так же решающих вопросы повышения качества жизни на местном уровне – урбанисты, активисты и др.).

Также отметим причины формирования коммуникативной повестки, что позволяет проанализировать основные проблемы взаимодействия политических акторов между собой:

- нарастание противоречий между активными общественными группами и государственной властью;

- категоричное несогласие отдельных граждан с основной государственной политикой.

Подводя итог, сделаем вывод, что существует достаточно большое количество подходов к определению политических коммуникаций, обозначающих совокупность процессов обмена и передачи информации политического характера. Это основополагающая часть политики управления, отвечающая за опосредованные формы общения и конструирование связи между политическими акторами (государством и гражданским обществом).

Среди теоретических характеристик стоит отметить следующие положения:

- политическая коммуникация — это не случайное информационно-коммуникативное воздействие, носящее нерегулярный характер;

- коммуникационный процесс не может быть однонаправленным;

- коммуникация становится конкурентной и требующей необходимую инфраструктуру (каналы, генераторы контента и т.д.), что формирует виртуальное пространство;

- конкурентный характер идеологий, смыслов и ценностей создает тенденцию радикализации их политического содержания.

Современные политические коммуникации в России представляют из себя информационно-коммуникативное воздействие, носящее регулярный характер и выполняющий функцию манипуляции общественным сознанием, закладывая политические установки при помощи тщательно продуманного политического дискурса [1, с. 117]. Несмотря на применение механизмов мониторинга демократии, государственная коммуникация носит вертикальный, однонаправленный характер. Исследователи отмечают адаптацию политических коммуникаций и успешный переход в медийное пространство, что позволяет быстро отвечать на актуальные запросы и выстраивать общение с избирателями. Стоит отметить наличие негативных оценок со стороны общества на попытки выстраивания коммуникации властными структурами, а также наличие инструментов мониторинга за деятельностью органов власти.

Также обозначим основополагающие шаги, выстраивающие политические коммуникаций в Российской Федерации:

- внедрение новых информационных технологий;
- освоение инструмента «электронного правительства»;
- переход политических деятелей и организаций в технологическое медийное пространство.

Список использованной литературы:

1. Дубинина, В. А. Региональная политика России, основные аспекты / В. А. Дубинина, Ю. С. Афанасьева // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: Материалы XIII научной конференции с международным участием: сборник статей, Москва, 22 ноября 2018 года. – Москва: Институт мировых цивилизаций, 2018. – С. 115-120.

2. Ершова, А. К. К вопросу о формировании правового сознания и правовой культуры молодежи XXI века / А. К. Ершова, О. Ю. Шибаршина // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре общества XXI века: Сборник научных трудов, Санкт-Петербург, 11–12 ноября 2015 года. – Санкт-Петербург: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский университет управления и экономики, 2015. – С. 439-443. – EDN UTWUUN.

3. Кадомец, А. В. К вопросу о сущности интеллектуального капитала в культуре XXI века / А. В. Кадомец, Л. А. Горбачева, О. Ю. Шибаршина // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре общества XXI века: Сборник научных трудов, Санкт-Петербург, 11–12 ноября 2015 года. – Санкт-

Петербург: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский университет управления и экономики, 2015. – С. 66-71.

4. Кострова, Ю. Б. Особенности использования информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении / Ю. Б. Кострова // Научные труды Московского университета имени С.Ю. Витте. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2020. – С. 41-52.

5. Кострова, Ю. Б. Мировой опыт и тенденции развития социальной политики и практики / Ю. Б. Кострова, В. В. Туарменский, О. Ю. Шибаршина ; Московский университет им. С.Ю. Витте; филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Рязани. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2019. – 271 с. – ISBN 978-5-9580-0483-6.

6. Кострова, Ю. Б. Деловые коммуникации: Учебное пособие / Ю. Б. Кострова, В. В. Туарменский, О. Ю. Шибаршина. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2018. – 312 с. – ISBN 978-5-9580-0417-1.

© Ю.Б. Кострова, О.Ю. Шибаршина, 2022

Машекуашева М.Х.,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России

Об особенностях и роли формирования ценностных ориентиров в современном обществе

Аннотация. Актуальность рассматриваемой тематики обусловлена снижением патриотического духа и утратой интереса, особенно у молодого поколения, к историческому наследию и культуре народов России.

Автор рассматривает причины и предпосылки указанного явления. В условиях как никогда назрела необходимость консолидации народа и культивирования в нем патриотизма, чувства

гордости за свое Отечество, преданности интересам государства, рассматриваемые вопросы могут быть полезны.

Ключевые слова: патриотизм, патриотические чувства, гражданственность, духовность, историческая память.

Патриотизм всегда являлся одним из неотъемлемых нравственных чувств, закрепленных веками в российской культуре и духовности. Как и многие явления нашей жизни, он исторически и социально обусловлен. Иначе говоря, он формируется и закрепляется в системе ценностей народа под влиянием воспитания, образования и определенных социальных обстоятельств, исторических событий. Необходимость в нем особенно остро ощущалась в годы испытаний, лишений и противостояния внешним угрозам, когда в обществе и государстве возникла потребность в защите своих ценностей, и он практически закрепился на уровне генетической памяти народа.

«Патриотизм является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активной самореализации на благо Отечества» [4]. Он относится к числу важнейших гражданских ценностей, которые, по мнению Е.В. Соцкой «...состоят в укреплении существующего строя, они отвечают критерию общезначимости и общеобязательности, то есть объективно служат целостности социума путем нормирования поведения его членов» [1]. И действительно, сохранение целостности нашего государства, самобытности его уникальной культуры, самосознания российского народа находится в прямой зависимости от патриотических чувств каждого его гражданина. Говоря о содержании понятия «патриотизм», следует отметить, что оно прежде всего определяется и как «...чувство, и социальный долг, и готовность служить Родине, и нравственные принципы» [2].

Гражданско-патриотические чувства, как часть духовной культуры российского общества, сохраняли свою актуальность на всех этапах его исторического развития. Члены общества способны защищать свое Отечество только тогда, когда у них сформирована система гражданских ценностей, когда счастье отдельного индивида не мыслится вне счастья страны, в которой он родился и живет. Патриотизм всегда являлся одним из неотъемлемых нравственных чувств, закрепленных веками в российской культуре и духовности. Как и многие явления нашей жизни, он исторически и социально обусловлен. Иначе говоря, он формируется и закрепляется в системе ценностей народа под влиянием воспитания, образования и определенных социальных обстоятельств, исторических событий.

Необходимость в нем особенно остро ощущалась в годы испытаний, лишений и противостояния внешним угрозам, когда в обществе и государстве возникала потребность в защите своих ценностей, и он практически закрепился на уровне генетической памяти народа. «Патриотизм является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активной самореализации на благо Отечества.

И действительно, сохранение целостности нашего государства, самобытности его уникальной культуры, самосознания российского народа находится в прямой зависимости от патриотических чувств каждого его гражданина[1].

Говоря о содержании понятия «патриотизм», следует отметить, что оно, прежде всего, определяется и как «...чувство, и социальный долг, и готовность служить Родине, и нравственные принципы» [3].

Любовь к стране, конечно, является главным критерием патриотизма. Она может проявляться не только на поле сражения и в годы выпавших на ее долю бед и испытаний. Конечно, подвиги героев войн являют собой яркий пример самопожертвования и самоотдачи во имя Отечества. Именно в наиболее сложные времена люди испытываются на прочность и обнаруживают свое истинное содержание. Одни мобилизуются для защиты интересов страны, а другие бегут из нее, ради своего благополучия. Но любовь к Родине проявляется и в каждодневном добросовестном труде граждан, которым вносится лепта, пусть самая малая, в благополучие страны. Многие негативные явления в современном обществе – коррупция, халатное отношение к народному добру, небрежное исполнение своих обязанностей врачами, педагогами, чиновниками и представителями других профессий – так или иначе являются признаками отсутствия патриотического духа.

Движимые желанием защитить Родину с оружием в руках молодые люди 40-х приписывали себе лишние года, многие бойцы во время войны, чтобы обеспечить своим товарищам выполнение боевого задания, бросались на амбразуру, удерживали ценой невероятных усилий ответственные рубежи. В сложнейших военных условиях учеными велись важнейшие разработки в области ядерной физики, вооружения. В послевоенные годы патриотически настроенный и воодушевленный победой народ все силы отдавал восстановлению народного хозяйства. Многие великие свершения – освоение космоса, строительство заводов-гигантов, развитие искусства и литературы, достижения выдающихся российских спортсменов – все это стало

возможным благодаря патриотическим и гражданским чувствам тех, кто стоял за этими свершениями.

В наши дни понимание патриотизма претерпело некоторые трансформации «благодаря веку современных технологий, расширенному информационному полю и практически неограниченной коммуникации между людьми. Сейчас патриотизм – пропаганда культурных ценностей в мире, а не ориентированность на национальную замкнутость».

Патриотизм как личностное новообразование развивается в системе социальных отношений, он является одним из проявлений направленности личности. Он не является врожденным качеством, а формируется под влиянием социальных факторов. Воспитать патриота в нашей стране на современном этапе - задача не из легких.

Патриотами не рождаются, а становятся, т.е. патриотизм социально обусловлен. Поэтому и причины его утраты и условия его возрождения необходимо искать в обществе, в его историческом и духовном, политическом и социальном бытии.

Список использованной литературы:

1. Гражданские ценности в современной духовной культуре. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3906 (дата обращения: 25.07.2022).

2. Патриотизм в наше время: что это и есть ли он? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://les.media/articles/566628-patriotizm-v-nashe-vremya-cto-eto-i-estb-li-on> (дата обращения: 20.07.2022).

3. Патриотизм в наше время: что это и есть ли он? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://les.media/articles/566628-patriotizm-v-nashe-vremya-cto-eto-i-estb-li-on> (дата обращения: 25.07.2022).

4. Патриотизм как духовная составляющая современного общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012003066#:~:text=Патриотизм%20является%20важнейшим%20духовным%20достоянием,системы%20социальных%20и%20государственных%20институтов> (дата обращения: 20.07.2022).

© М.Х. Машекуашева, 2022

Некоторые виды мошенничества, совершаемого адвокатами при реализации своих профессиональных полномочий

Аннотация: мошенничество, совершаемое адвокатами, имеет распространенный характер, высокую адаптацию к внешним условиям, а также значительную способность проникать в разнообразные сферы профессиональной адвокатской деятельности, нередко нарушая при этом права и законные интересы их доверителей. В статье рассмотрены некоторые виды мошенничества, совершаемого адвокатами, в процессе реализации своих профессиональных полномочий. Проведенный анализ способствует правильной юридической оценке таких деяний, их разграничению и дифференциации, а также выявляет основные тенденции подобных преступлений, с дальнейшей возможностью разработки способов их минимизации и сокращения.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, мошенничество, защитник, квалифицированная юридическая помощь, уголовная ответственность, уголовное право.

Традиционно мошенничество называют одним из наиболее распространенных и изощренных преступлений, совершаемых из корыстных побуждений [14, с. 133].

Учитывая статистические сведения, представленные ФПА РФ, в последние годы мошенничество относится к числу лидирующих общественно опасных деяний, совершаемых представителями адвокатуры при реализации своих профессиональных полномочий. При этом с момента основания и становления ФПА РФ, среди небольшого числа всех совершаемых адвокатами общественно опасных деяний, значительная часть преступлений также всегда была связана с мошенничеством.

В зависимости от специфики деятельности адвоката, наличия криминальных связей и иных факторов, адвокатскому мошенничеству присущи различные формы и виды проявлений. Несмотря на одинаковую структуру, некоторые из них имеют свои ключевые черты, затрагивающие особенности юридической оценки таких деяний.

Так, в середине второго десятилетия 2000-х годов мошенничество, совершаемое адвокатами, охватило сферу квалифицированной юридической помощи, оказываемой в рамках дел, рассматриваемых в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ). Распространение данного вида мошенничества, прежде всего, обусловлено большим объемом жалоб в ЕСПЧ против России, а также значительными размерами денежных компенсаций, присуждаемых по таким делам.

Анализ размеров адвокатского гонорара указывает на то, что участие адвокатов в таких делах оплачивается выше, чем участие в разбирательствах в судах отечественной судебной системы. Кроме того, заключенный между адвокатом и доверителем договор может предусматривать выплату дополнительного вознаграждения в случае выигрыша дела [1].

Учитывая несостоятельность потенциальных клиентов, которым чаще всего требуется представительство в ЕСПЧ, под прицел корыстной заинтересованности адвокатов стали попадать компенсации, присуждаемые по таким категориям дел.

Такие мошеннические акты со стороны адвокатов обладают всеми признаками, присущими мошенничеству, совершаемому иными субъектами, и, в целом, не отличаются от него значительно.

Так, Советский районный суд Владикавказа признал виновными адвоката Адвокатской палаты Московской области и ее дочь в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В 2013 году ЕСПЧ постановил выплатить 33 миллиона рублей сотрудникам противопожарной службы МЧС РСО-Алания, которые выполняли свою работу в ходе осетино-ингушского конфликта. Адвокат, представлявшая их интересы, распределяла полученную компенсацию по клиентам через личные банковские счета, утверждая, что средства поступали траншами, и такой способ гарантировал ей получение от каждого клиента своего 15-процентный гонорар. При этом адвокат занижала размеры полагающихся им компенсаций и требовала расписки за еще неполученные деньги. Таким образом, обманным путем она присвоила себе свыше 33 млн. руб. [12].

Наряду с этим, в качестве одного из наиболее распространенных видов преступлений, отражающих устоявшуюся схему адвокатского мошенничества, можно привести так называемых адвокатов-решал. Сущность их деятельности сводится к обещанию клиенту решить с сотрудниками правоохранительных органов вопрос в части назначения более мягкого вида наказания, сокращения размера наказания, переквалификации содеянного и получения иных преимуществ в обмен на их вознаграждение. Иными словами, адвокат предлагает себя

доверителю в качестве посредника во взяточничестве. Однако, в отличие от последнего, в конечном итоге деньги присваиваются адвокатом в свое личное владение, а положение обманутого доверителя остается прежним. При этом, как показывают статистические данные, несмотря на распространенность таких случаев, адвокаты-решалы остаются востребованными ни одно десятилетие.

Показательными здесь являются следующие примеры.

Адвокат адвокатской палаты Ставропольского края обвиняется в двух эпизодах мошенничества. Согласно материалам уголовного дела, юрист предложил матери подзащитного предоставить ему 400 тысяч рублей под предлогом внесения залога для избрания меры пресечения, не связанной с лишением свободы. По данным следственных органов, адвокат распорядился деньгами по своему усмотрению [3].

Похожую ситуацию иллюстрируют материалы уголовного дела о покушении на мошенничество в особо крупном размере (ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ), из которых следует, что в начале июня 2021 г. адвокат предложил своему клиенту предоставить ему 3 млн. руб. под видом взятки для сотрудников правоохранительного органа за содействие в назначении более мягкого наказания. Полученные денежные средства юрист собирался оставить себе. В момент передачи подзащитным денег адвокат был задержан оперативниками ФСБ [2].

За совершение аналогичного преступления (ст. 159 ч. 2 УК РФ) осужден адвокат Адвокатской палаты Ростовской области. Согласно материалам уголовного дела, в январе 2022 года к адвокату обратился подозреваемый в незаконном обороте наркотиков. В ходе личной встречи адвокат склонил мужчину к передаче ему денежных средств в размере 170 тыс. руб. пообещав, что эти деньги будут переданы сотрудникам правоохранительных органов за решение вопроса о не привлечении к уголовной ответственности. При этом следствие установило, что адвокат не мог выполнить обещание, а полученными средствами собирался распорядиться по своему усмотрению [11].

С юридической точки зрения оценить подобные деяния довольно сложно, по причине наличия в них, на первый взгляд, признаков сразу нескольких составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 159, 291.1 УК РФ.

Изучение следственной и судебной практики по уголовным делам указывает на существование проблемы, при которой правоприменители сталкиваются с конкуренцией норм, закрепленных в ст. 159 УК РФ и ст. 291.1 УК РФ.

Необходимо отметить, что изначально отечественный уголовный закон рассматривал подобные деяния с позиции института соучастия, характеризуя их как пособничество в даче взятки, а в некоторых случаях, как подстрекательство или как действия организатора. Кроме того, поскольку лицо, представляющее интересы взяткодателя, зачастую одновременно является и пособником дачи взятки, и подстрекателем к ее получению, его действия с точки зрения уголовного законодательства охватываются ч. 5 ст. 33 и ст. 291 УК РФ, а также ч. 4 ст. 33 и ст. 290 УК РФ, соответственно.

Разрешая подобную проблему, Верховный суд в п. 24 и п. 26 Постановления Пленума ВС РФ от 09 июля 2013 г. № 24 указал, что действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу, необходимо квалифицировать как мошенничество. При этом указанные действия не образуют и совокупности преступлений.

Вместе с тем, когда преступный умысел все же был направлен на передачу взятки и реализовать его удалось, такое деяние с точки зрения уголовно-правовой оценки характеризуется как посредничество во взяточничестве.

Таким образом, объективная сторона данного вида мошенничества имеет сложносоставной характер и включает в себя одновременное наличие следующих компонентов: 1) совершение адвокатом деяния в форме действия, путем обмана своего доверителя через невыполнение данного обещания о передаче определенной денежной суммы представителю органа или конкретному лицу, от решения которого зависит его положение; 2) присвоение адвокатом указанной денежной суммы полностью.

Субъективная сторона такого преступления выражается в форме прямого умысла. Кроме того, подобно иным видам мошенничества адвокатов, здесь имеется факультативный признак - корыстная цель.

Вместе с тем, мошеннические проявления в сфере профессиональной деятельности адвокатов не ограничиваются рассмотренными деяниями.

В последние годы все чаще появляются случаи мошенничества адвокатов при оказании ими бесплатной юридической помощи. Данный вид мошенничества является сравнительно новым и получает

распространение с принятием в 2011 г. Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Как правило, подобные преступления совершаются адвокатами посредством подделки документов с целью получения субсидий на возмещение затрат, связанных с оказанием бесплатной юридической помощи, из государственного бюджета (например, заявлений от соответствующих категорий граждан, которым бесплатная квалифицированная юридическая помощь гарантируется законодательством).

Так, Вахитовским районным судом г. Казани в отношении адвоката вынесен обвинительный приговор: юрист признан виновным в мошенничестве в особо крупном размере, а также в подделке документов. Юрист направлял в Министерство юстиции республики поддельные документы, по которым якобы оказывал бесплатную юридическую помощь малоимущим, инвалидам и пенсионерам: вносил в официальные документы, а именно в акты об оказании бесплатной юридической помощи, недостоверные сведения. Кроме того, адвокат поддельвал реестр об оказании услуг. В результате за два года ему удалось получить более полумиллиона рублей [5].

Анализируя объективную сторону подобных преступлений, необходимо отметить, что по большей части используемые здесь формы оказания бесплатной юридической помощи являются опосредованными (например, составление исковых заявлений, ходатайств, жалоб, консультирование граждан и другие) и, соответственно, имеют фиктивное содержание.

Вместе с тем, важно понимать, что в результате разовых мошеннических актов, размер получаемой адвокатами выгоды нельзя назвать большим. В связи с этим, в большинстве случаев такое мошенничество имеет продолжаемый характер.

Так, в Ростовской области за составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера адвокат получит 2000 руб., за день участия в представлении интересов гражданина в гражданском судопроизводстве - 5000 руб. [13].

Для сравнения, в Астраханской области день участия в суде адвоката оценивается в 2460 руб., составление искового заявления, жалобы и других документов – 2075 руб. [6].

В Нижегородской области за день участия в суде адвокат получит 1950 руб., за составление искового заявления или жалобы – 1500 руб. [8].

В Санкт-Петербурге составление исковых заявлений и заявлений в суд общей юрисдикции, мировому судье оценивается в 1595 руб., составление апелляционных, кассационных, надзорных жалоб – 2075

руб., день участия в представлении интересов гражданина в гражданском судопроизводстве стоит 1825 руб. [4].

С субъективной стороны анализируемые деяния характеризуются устойчивым прямым умыслом. В числе факультативных признаков здесь также главенствует корыстная цель – получение личной финансовой выгоды в виде дотаций из государственного бюджета, направленных на компенсацию затрат и оплаты труда адвокатов за реальное оказание бесплатной юридической помощи.

На сегодняшний день число подобных преступлений, связанных с оказанием бесплатной юридической помощи, нельзя назвать большим. Однако, в ближайшей перспективе видится, что такой низкий размер оплаты труда адвоката и возмещения затрат, связанных с оказанием бесплатной юридической помощи, может в значительной степени поспособствовать росту рассмотренного вида адвокатского мошенничества.

Наряду с рассмотренными, в качестве более распространенного преступления можно назвать участие адвокатов в делах о незаконном возмещении налога на добавочную стоимость (НДС).

Подобная противоправная деятельность сегодня оценивается сотрудниками правоохранительных органов как мошеннические действия: в качестве непосредственного объекта здесь выступают денежные средства из государственного бюджета; под способом обмана рассматриваются действия руководителя организации, ее сотрудников и иных лиц, направленные на умышленное создание условий для возмещения НДС. Соучастниками таких преступлений нередко становятся адвокаты, обладающие особыми юридическими знаниями и навыками, необходимыми для осуществления подобного рода незаконной деятельности.

Так, следственными органами в Санкт-Петербурге после выявления мошеннической схемы с НДС было возбуждено уголовное дело об организации преступного сообщества и участии в нем. Среди соучастников, установленных в причастности к совершению преступления адвокат Адвокатской палаты Ленинградской области [7]. Несколько схожее резонансное преступление было совершено в Воронежской области. Ленинский районный суд г. Воронежа приговорил адвоката к 6 годам лишения свободы условно и обязал его выплатить государственным структурам более 23 млн. рублей за налоговые махинации с фирмами-однодневками. Вместе со своим двоюродным братом и знакомым юрист создавал подставные фирмы и проводил фиктивные сделки, получая от государства возмещение налога на добавленную стоимость [10].

Важно отметить, что действия лиц, участвующих в совершении таких преступлений, обычно квалифицируются сотрудниками правоохранительных органов не только по соответствующей части ст. 159 УК РФ (мошенничество), но и по ч. 1 ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)). Такая совокупность обусловливается особой структурой и формой взаимодействия всех соучастников подобных деяний.

Помимо этого, отдельные виды адвокатского мошенничества также включают в себя различные преступления в банковской системе, которые реализуются посредством заключения и сопровождения мнимых сделок; заключения ничтожных по своей сущности договоров об оказании юридической помощи и иных формах консалтинга.

Уголовно-правовая характеристика таких преступлений в целом схожа с характеристикой рассмотренных выше деяний. При этом наличие особой специфики влияет на юридическую квалификацию этих деяний.

Например, в 2016 г. приговором Вологодского городского суда осуждены участники громкого дела, связанного с хищением денежных средств Вологодского филиала ОАО «Банк Москвы» под видом выдачи кредитов. Среди всех соучастников следственными органами установлено несколько адвокатов, один из них был объявлен в федеральный розыск. Лица признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ и п. п. а, б ч. 3 ст. 174.1 УК РФ [9].

С учетом рассмотренного, анализ мошенничества, совершаемого адвокатами в процессе реализации своих профессиональных полномочий, позволяет сделать следующие выводы.

Мошенничество, как одно из деяний, составляющих большую часть среди всей адвокатской преступности, может совершаться адвокатом - субъектом такого преступления, только путем обмана.

Наиболее распространенным из всех видов адвокатского мошенничества является деятельность адвокатов-решал.

Независимо от специфики и особенностей каждого из видов адвокатского мошенничества, все подобные преступления имеют схожую структуру, отличительным является содержание составляющих их признаков.

Список использованной литературы:

1. Адвокатская палата Санкт-Петербурга / Сколько стоит защита в ЕСПЧ // [Электронный ресурс] / Режим доступа:

https://www.apspb.ru/news.php?news=27022019_66&fbclid=IwAR223Sc2ZCrFk5agzZalSx0qpdWGjoxkJwGRmvDlhzp_fxlxG8pukmEgMZo

2. Архив ГСУ СК России по Красноярскому краю за 2021 г. Дело № 1-278.

3. Архив ГСУ СК России по Ставропольскому краю за 2022 г. Дело № 1-134.

4. Закон Санкт-Петербурга от 11.10.2012 № 474-80 О бесплатной юридической помощи в Санкт-Петербурге / СПС Консультант Плюс.

5. Постановление Вахитовского районного суда г. Казани по делу № 1-72/2021 от 11.01.2022 / ГАС Правосудие.

6. Положение о размере и порядке оплаты труда адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь гражданам в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи на территории Астраханской области, и компенсации их расходов на оказание бесплатной юридической помощи / СПС Консультант Плюс.

7. Постановление Октябрьского районного суда по делу № 1-436/2021 от 01.10.2021 / ГАС Правосудие.

8. Постановление Правительства Нижегородской области от 09.01.2020 № 7 / СПС Консультант Плюс.

9. Приговор Вологодского городского суда по делу 1-2/2016 от 01.03.2016 / ГАС Правосудие.

10. Приговор Ленинского районного суд г. Воронежа по делу 1-134/2014 от 21.10.2014 / ГАС Правосудие.

11. Приговор Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону № 1-568/2022 от 04.08.2022 / ГАС Правосудие.

12. Приговор Советского районного суда Владикавказа по делу № 1-1/2020 от 24.11.2020 / ГАС Правосудие.

13. Приложение к Порядку определения объема и предоставления субсидии Адвокатской палате Ростовской области на возмещение затрат, связанных с оказанием гражданам бесплатной квалифицированной юридической помощи / СПС Консультант Плюс.

14. Серегина Е. В. Криминология / Е. В. Серегина, Е. Н. Москалева. – Москва: РГУП, 2018. – 232 с.

© М. А. Маресина, 2022

Принципы исполнительного производства: общее и особенное

Под принципами исполнительного права понимаются исходные положения правовых норм исполнительного производства в Российской Федерации, которые составляют основу всей области исполнительного права и ее сущности, основных принципов и идей, структурной закономерности и развития [1].

Принципы закреплены в нормативно-правовых актах Российской Федерации, в них определяются значение и содержание правоотношений в сфере исполнительного производства. К тому же, следует выделить то, что не каждый из принципов имеет юридическое закрепление.

Такой важный признак принципа, как нормативность, несомненно может проявлять себя и опосредованно, когда этот принцип логически, лексически или другим способом вытекает из одной или нескольких правовых норм. Несмотря на это, данное положение предполагает значительное неудобство при применении его на практике, кардинально ставя под сомнение его императивность, так как трудно требовать точного исполнения тех принципов, которые прямо не выражены, и, следовательно, создают в определенной мере возможность различных интерпретаций и усмотрение со стороны судебного пристава.

Принципы содержат в себе как теоретическое, так и практическое значение, целью которого является гарантия того, что исполнение юридических актов, обеспечение прав сторон исполнительного производства, а также показ роли государства в регулировании правоотношений будут своевременными, правильными и эффективными.

Принципы исполнительного права можно классифицировать по различным основаниям, например, по сферам действия можно различать:

1. общеправовые (общие) принципы;
2. межотраслевые принцип;
3. отраслевые (специальные) принципы;
4. принципы отдельных институтов (внутриотраслевые принципы).

Существует и другая классификация, основанная на форме установления принципа. По этому признаку можно выделить:

1. принципы, прямо юридически закрепленные в правовом акте;
2. принципы, не получившие прямого правового закрепления, но вытекающие из норм или смысла правового акта [2].

Согласно данной классификации, к первой группе принципов исполнительного права относятся те общие, исходные принципы, которые санкционированы ст. 4 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»:

- 1) принцип законности;
- 2) принцип своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения;
- 3) принцип уважения чести и достоинства гражданина;
- 4) принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи;
- 5) принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения [3].

Принцип законности считается общеправовым принципом. В соответствии со статьей 15 Конституции Российской Федерации все органы государственной власти, местного самоуправления, должностные лица, а также граждане и общественные объединения должны беспрекословно соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, а также принципы, нормы международного права и международные договоры Российской Федерации.

Законность представляет собой положение общества, в котором законодательство действует последовательно и непротиворечиво. Соблюдаются законы тщательно и безоговорочно всеми гражданами, а за нарушение требований законодательства неминуемо следует такая мера государства, как принуждение.

Содержание данного принципа в исполнительном праве имеет свое преломление. Исходя из этого, законодательство должно быть безоговорочным и включать в себя стройную систему. Исходя из преимущества международного договора над российскими нормами, Конституции Российской Федерации над другими законодательными актами, в том числе законами об исполнительном производстве, о судебных приставах, Федеральных законов над правовыми актами Правительства Российской Федерации должны разрешаться коллизии в сфере исполнительного производства, если они вдруг возникнут.

Руководствоваться законами, то есть точно применять нормы

исполнительного и других отраслей права должен судебный пристав-исполнитель.

Также, принцип, о котором говорится выше, имеет свое значение в том, что стороны исполнительного производства должны следовать закону и сопоставлять свои деяния с имеющимся законодательством. Это обеспечивается присутствием различных мер ответственности, которые содержатся в санкциях норм исполнительного права.

Принцип своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения предполагает совершение исполнительных действий и мер принудительного характера в установленные сроки. Таким образом, согласно единому правилу, исполнительные действия должны исполняться судебным приставом в течение двух месяцев со дня возбуждения производства. При этом срок, в который должник может добровольно исполнить требования, содержащиеся в исполнительном документе, не может превышать пяти дней со дня получения им постановления о возбуждении исполнительного производства.

В рабочие дни с 6 до 22 часов совершаются исполнительные действия и применяются меры принудительного исполнения. Лишь случаи, в которых невозможно отлагательство, могут быть исключением из данного правила. Для этого необходимо получить согласие старшего судебного пристава в письменной форме.

Следует выделить, что законодательство Российской Федерации об исполнительном производстве содержит в себе сравнительно короткие сроки совершения исполнительных действий. На первый взгляд это вызвано обеспечением скорейшей защиты прав и законных интересов граждан. Однако, практика показала, что более продолжительные сроки совершения исполнительных действий, установленные в других странах, оказываются эффективнее, в связи с тем, что предполагают реальную возможность уплаты денежных средств, передачи имущества и так далее.

Одно из важнейших значений в исполнительном производстве имеет принцип уважения чести и достоинства гражданина. Данный принцип действует на всех участников производства. Предоставленные в соответствии с законодательством права судебному приставу-исполнителю должны быть им соблюдены, не допуская в своей деятельности ущемления прав и охраняемых законом интересов граждан [4].

Этот принцип имеет особое значение в аспекте правового статуса должника. Достоинство должника ни в коей мере не должно

уменьшаться, и его нельзя унижать. Учитывая, что в основе принудительного исполнения лежит общеправовая форма принуждения, в большинстве случаев следует упомянуть только один вид физического принуждения, а именно направленный на материальную сферу должника.

Несмотря на это, законом об исполнительном производстве предусмотрена возможность вызова лица, уклоняющегося от явки, по вызову судебного пристава-исполнителя, но и здесь должен соблюдаться принцип уважения чести и достоинства гражданина.

При совершении судебных актов должны учитываться конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничены эти права могут быть только в соответствии со статьей 23 Конституции Российской Федерации и допускаются только на основании решения суда.

Принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи соответствует гражданскому процессуальному законодательству. Исходя из этого, статья 446 Гражданского процессуального кодекса РФ устанавливает список имущества, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам. К такому имуществу относят жилое помещение, если лишь оно является пригодным для проживания гражданина-должника и его семьи; земельные участки, которые должник использует для своей предпринимательской деятельности; вещи индивидуального использования и другое.

Исходя из этого, на основании п. 60 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 предметами обычной домашней обстановки может являться имущество, которое необходимо гражданину и его семье для поддержания нормального уровня жизни и удовлетворения бытовых потребностей в питании, отдыхе, лечении, гигиене. Но, антикварные вещи, имеющиеся у должника, а также вещи, которые представляют из себя художественную, историческую или иную культурную ценность не относятся к указанным предметам.

Вопрос об отнесении определенного имущества гражданина-должника к предметам обычной домашней обстановки и предметам быта решает судебный пристав-исполнитель с учетом конкретных обстоятельств, связанных с назначением имущества, его ценой, фактическим использованием, наличием или возможностью

приобретения. замена его аналогичным имуществом с более низкой стоимостью, а также местные обычаи.

Вопрос об определении имущества должника к предметам обычной домашней обстановки и предметам быта решает судебный пристав-исполнитель, учитывая при этом определенные обстоятельства, связанные с тем, какое у имущества предназначение, его ценой, фактом использования, а также наличием или возможностью приобретения.

Одним из легально закрепленных принципов также является принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения. Этот принцип предполагает то, что при наложении ареста на имущество должника, наложении ареста на самого должника, совершении определенных действий от его имени и за его счет, должна соблюдаться их соразмерность и соразмерность их объему требований взыскателя на основании исполнительного документа. В первую очередь данный принцип направлен судебного пристава – исполнителя, то есть на субъект применения мер принудительного характера. Недостатком действующего законодательства следует считать отсутствие определенных критериев соотносимости.

Существуют также и другие принципы, которые не обрели законодательного закрепления, но затрагивают правовое регулирование в сфере исполнительного производства, а также обеспечивают его стройность:

1) принцип исполнения судебных и иных актов специально уполномоченными государственными органами. Этот принцип предполагает возложение исполнения судебных актов на Федеральную службу судебных приставов и ее территориальные органы;

2) принцип равенства перед законом. Независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждения, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств все граждане равны перед законом;

3) принцип пропорционального распределения взыскиваемых сумм между заявителями. Направлен на защиту прав заявителей в случае множественности требований и недостаточности средств и имущества должника для удовлетворения всех кредиторов;

4) принцип инициативности субъектов исполнительного производства. Суть этого принципа в том, что должник либо взыскатель могут заключить мировое соглашение и отказаться от взыскания;

5) принцип государственного языка исполнительного

производства означает, что исполнительное производство в Российской Федерации происходит на русском языке. Исходя из этого принципа исполнительное производство в Российской Федерации осуществляется на русском языке. Если лица, участвующие в производстве, не говорят на государственном языке, то к участию в производстве может быть приглашен переводчик. Переводчик должен хорошо владеть языком, быть старше 18 лет, а также в случае неверного перевода несет ответственность;

6) принцип обеспечения добровольного исполнения. В соответствии с данным признаком существует срок, в который должник может добровольно исполнить содержащиеся в документе требования. Данный срок не может превышать пяти дней. Такой принцип, отчасти, имеет воспитательное значение в исполнительном праве;

7) принцип обязательности требований судебного пристава-исполнителя. Все государственные органы, органы местного самоуправления, граждане и организации подлежат беспрекословному выполнению законных требований судебного пристава-исполнителя. В случае невыполнения этих требований, должны быть применены меры, установленные законом об исполнительном производстве;

8) принцип судебного контроля за деятельностью судебного пристава-исполнителя. Судебные органы контролируют производство принудительного исполнения исполнительных документов, такой вид контроля считается одним из самых действенных и эффективных;

9) принцип независимости судебного пристава-исполнителя. Судебным исполнителям дозволено осуществлять две меры ограничения: он может совершать исполнительные действия и применять меры принудительного характера. Данный принцип означает, что пристав не может выходить за рамки мер, которые прописаны в исполнительном документе [5].

Список использованной литературы:

1. Исаенкова О. В. Исполнение судебных актов: тезисно // Перспективы развития гражданского процессуального права: Сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА, Саратов, 03 октября 2020 года – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. – С. 193-195.

2. Таранова Т. С. Теоретические подходы к пониманию принципов исполнительного производства // Четвертые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной: Сборник

материалов, Минск, 11 марта 2022 года. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2022. – С. 343-348.

3. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Справочная правовая система Консультант-Плюс - <http://www.consultant.ru>

4. Зайнуллина И. И. Место исполнительного права в системе российского права // Современное состояние системы принудительного исполнения в Российской Федерации и пути ее совершенствования: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 12 ноября 2020 года– Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 100-104.

5. Немаев И. М. Методологические основы изучения принципа справедливости исполнительного права как поликомпонентного образования // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 6. – С. 51-55.

© Е.В. Молчанова, 2022

УДК 343.85:[343.3/7:004](470)

Набиев Ф.Ф.,
Уфимский юридический институт МВД России

Некоторые аспекты предупреждения преступлений в сфере IT-технологий

В современном мире невозможно представить финансово-хозяйственную деятельность без использования информационно-коммуникационных технологий, при этом широкое применение создали условия совершения компьютерных преступлений и преступления в сфере IT-технологий. На сегодняшний день вопрос о противодействии вовлечению лиц в деструктивные группы в сети Интернет стоит наиболее остро.

Активное развитие современных технологий и их использование представителями криминального мира в качестве орудия совершения преступления привело к появлению нового вида преступной деятельности – преступления в области высоких технологий. Данное обстоятельство обуславливает необходимость

поиска новых подходов к защите интересов государства, общества и личности в информационной среде.

В 2004 году в Будапеште была принята Конвенция о киберпреступности, согласно которой киберпреступления представляют собой акты против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и компьютерных данных, а также злоупотребления такими системами, сетями и данными.

Еще в 70-х годах XX века зарубежные специалисты обратили внимание на возможность использования средств компьютерной техники при совершении преступлений, то есть фактически это произошло с момента начала распространения персональных компьютеров. Сегодня существует множество способов совершения преступлений при помощи средств научно-технического прогресса, среди которых наиболее распространенными являются хищения денежных средств, незаконное получение информации, коммерческой тайны, в том числе охраняемой законом, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ и т.п.

По своей сути преступления в сфере IT-технологий – это преступная деятельность, целью которой является неправомерное использование компьютера, компьютерной сети или сетевого устройства, с использованием передовых методов и высокой технической оснащенностью. Киберпреступность можно разделить на две категории:

- противоправная деятельность, целью которой являются компьютеры и компьютерные системы;
- противоправная деятельность, в которой компьютеры и сети используются для совершения других преступлений, в том числе для распространения вредоносных программ.

Стоит отметить, что не всеми странами указанный вид преступлений криминализована и преследуется в уголовном порядке, что позволяет преступникам оставаться безнаказанными. При совершении преступления отсутствуют территориальные ограничения, то есть оно может быть совершено в любой стране и в максимально короткое время (менее минуты). Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости объединения усилий всех стран для предотвращения транснациональной преступности.

Методы совершения преступлений становятся все более изощренными, их сложнее обнаружить. Одним из элементов борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий является их предотвращение. Политика государства в области борьбы с преступностью в последнее десятилетие претерпела значительные

изменения, что связано с поиском форм противодействия организованной транснациональной преступности. Кроме того, в последнее время получило распространение развитие научных школ по противодействию преступности в сфере IT-технологий, в том числе ориентированных на использование уголовно-правовых средств по обеспечению компьютерной безопасности[1, с.57].

Сегодня очень важно принимать активные меры, совершенствовать методы, направленные на пресечение преступлений в сфере IT-технологий, обеспечивая неотвратимость наказания. Влияние преступников на информационные системы должно быть сведено к минимуму, что позволит повысить безопасность киберпространства.

Возникающие проблемы свидетельствуют о недостаточной готовности правоохранительных органов к противостоянию в сфере IT-технологий. Сотрудники правоохранительных структур не всегда обладают необходимым уровнем познания компьютерных систем для выявления правонарушений и сбора доказательной базы. Несмотря на привлечение в расследование компьютерных преступлений экспертов, которые позволяют установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания, рассчитывать исключительно на специалистов неверно, так как это может повлечь за собой выполнение процессуальных полномочий не в полном объеме или вовсе их потерю.

Своевременное обнаружение преступлений затруднено в связи с высокой скоростью передачи и обработки информации, ее скрытым характером и компактным хранением данных[2, с.10].

Для пресечения и предупреждения преступлений в области высоких технологий необходимо активное сотрудничество правоохранительных структур внутри государства. Важно увеличить скорость обмена данными между регионами Российской Федерации, обеспечить их координацию в рамках единого органа. Кроме того, достичь положительных успехов в борьбе с преступностью в сфере IT-технологий невозможно без взаимодействия и заключения многосторонних соглашений между странами.

Нехватка подготовленных кадров в правоохранительных органах обуславливает необходимость повышения квалификации сотрудников, которые непосредственно занимаются расследованием преступлений в области информационных технологий. Раскрытие компьютерных преступлений требует углубленной технической подготовки и совершенствования технических знаний работников правоохранительных структур.

Уровень квалификации специалистов оказывает прямое влияние на эффективность и результативность обнаружения и

раскрытия преступлений в сфере IT-технологий. Подготовка должна осуществляться комплексно и заключаться в приобретении практических навыков в использовании современных технологий.

Помимо активных действий со стороны государственных органов, для успешной борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий, необходимо проводить работу с общественностью. Важно сформировать у граждан, особенно потенциальных преступников, веру в неотвратимость наказания и способность правоохранительных органов обеспечить безопасность информации. Через средства массовой информации следует информировать общество о проводимых мероприятиях по выявлению преступлений в сфере IT-технологий, это позволит частично сдержать отдельных граждан от совершения преступлений. Особенно необходимо затронуть вопрос виктимологической профилактики, основной целью которой является воздействие на сознание населения, понимание опасностей и незаконности соответствующих действий в сфере высоких технологий.

Таким образом, для противодействия преступности в сфере IT-технологий необходимо сосредоточить усилия в повышении уровня подготовки специалистов по противодействию преступности в информационной сфере в разработке новых мер по пресечению и предупреждению преступности; совершенствование системы международного обмена информацией об угрозах в информационном пространстве; развитие в системе правоохранительных органов новых технологий по контролю за преступностью.

Предложенные меры помогут сократить уровень преступности в сфере IT-технологий, предупредить совершение новых преступлений в области высоких технологий и укрепить национальную безопасность России.

Список использованной литературы

1. Кравцов Д.А. Некоторые аспекты предупреждения киберпреступности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 57-60.
2. Батурич, Ю. М., Полубинская, С. В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2. С. 10–35.

Некоторые вопросы установления юридических фактов в гражданском судопроизводстве

Аннотация: Существует множество научных исследований вопроса сущности юридического факта, однако понятие юридического факта законодательно не закреплено. Судебная практика показывает, что зачастую необходимо не просто выяснить, имел ли место юридический факт, но и подтвердить его документально. Установление юридических фактов в судебном порядке ограничивается, когда подтверждающие их документы утеряны и не могут быть восстановлены, а инициирование события или определенного положения дел не имеет нормативно закрепленных критериев и определяется обстоятельствами. Оба требуются. Основа для установленных норм в судебной практике.

Ключевые слова: юридические факты, гражданское процессуальное законодательство, юридические последствия, гражданские правоотношения.

Проблемы установления юридических фактов неоднократно рассматривались многими учеными-цивиристами.

Ещё Ф.К. Савиньи считал юридическим фактом «события, обуславливающие начало или конец правоотношения» [1, С. 212].

Позже О.А. Красавчиков отметил, «юридические факты - факты реальной действительности, с которыми нормы права связывают наступление юридических последствий, т.е. возникновение, изменение гражданских правоотношений» [2].

В.В. Долинская считает, что «основным критерием определения юридических фактов, выступает наличие юридических последствий» [3, 96-103].

Наступление юридических последствий понимается в данном контексте в следующих случаях:

- факт является необходимым условием для наступления правовых последствий;
- житейское событие или наступление определённого состояния закреплено правовыми нормами, но в то же время является частным случаем, имеющим правовую регламентацию;

- реализация правовой нормы влияет на обстоятельство действительности.

Существует множество научных исследований вопроса сущности юридического факта, однако гражданским процессуальным законодательством РФ не закреплено понятие юридического факта. Однако частью 2 ст. 264 ГПК РФ [4, Ст. 5071] общедоступный перечень юридически значимых фактов, рассмотренных судами общей юрисдикции.

В судебной практике очень часто возникает необходимость не только установления - имел ли место определенный юридический факт, но и документального подтверждения указанного факта. Имеют место также случаи, когда гражданин умышленно пытается ввести других лиц в заблуждение. Рассмотрение таких ситуаций, а также установление фактов, имеющих юридическое значение, отнесено к компетенции судов.

Установление юридических фактов в судебном порядке возможно, если заявитель заинтересован в установлении юридических фактов. Таким образом, юридические факты приобретают субъективный характер.

Согласно статье 265 ГПК РФ обязательным условием обращения в суд с заявлением об установлении и подтверждении юридических фактов является «невозможность получения заявителем в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или при невозможности восстановления утраченных документов». То есть шансов на получение документов, подтверждающих факты - нет. Например, никто по закону не уполномочен выдавать тот или иной документ, или таковые документы утеряны без возможности восстановления, например, документы в архивах ЗАГСа были сожжены и не включены в электронный реестр.

Дела, связанные с установлением фактов, имеющих юридическое значение, согласно п. 6 ГПК РФ рассматривается в особом порядке. Такие случаи не являются спором о правах. Наличие спора о праве в соответствии с п. 3 ст. 263 ГПК РФ является основанием для оставления дела без рассмотрения. Подобная ситуация зачастую встречается в судебной практике: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 10 июля 2018 г. № 18-8-КГ18-118, Апелляционное определение Московского городского суда от 06 марта 2019 г. по делу № 33-9860/2019, Апелляционное определение Московского городского суда от 28 августа 2018 г. по делу № 33-37718/218 [5]: Требования к составлению заявления об установлении юридических фактов определены ст. 131 ГПК РФ. В

заявлении должна быть указана цель установления юридических фактов и представлены доказательства, подтверждающие невозможность получения соответствующих документов или восстановления утерянных документов.

Наибольший интерес в контексте рассматриваемого вопроса представляет следующий случай установления юридических фактов.

- факт смерти в определенное время и при определенных обстоятельствах в случае отказа органа ЗАГС в регистрации смерти;
- факт принятия наследства и место возникновения наследства;

Имеют значительные различия установление в суде факта гибели гражданина от объявления судом гражданина погибшим. А.Н. Тарасенкова отмечает, что «при объявлении судом гражданина умершим, неизвестны дата и место смерти, сам факт смерти не подтверждён документально, в связи с чем орган ЗАГС отказывается осуществлять регистрацию факта смерти. В случае установления судом факта смерти, дата и место смерти известны, однако факт смерти не был зарегистрирован, а подтверждающие документы утрачены, как следствие - орган ЗАГС отказывает в соответствующей регистрации» [6, с. 176]. Существует и вариант, когда при утрате свидетельства о смерти получение его дубликата в силу ряда причин невозможно (например, повреждение или утрата архива органа ЗАГС).

Рассмотрим подробнее ситуацию, когда в ЗАГСе отказывают в регистрации факта смерти из-за неполного оформления документов, закрепленных ст. 64 ФЗ от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 01 октября 2019 г.) «Об актах гражданского состояния» [7, ст. 5340]. Основанием для отказа в записи смерти при отсутствии одного из определенных документов является абз. 2 п. 1 ст. 11 ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об актах гражданского состояния». Обращение в суд для установления факта смерти гражданина в определённое время и в определённом месте возможно только в случае отсутствия возможности получить утраченные или отсутствующие документы другим способом. Кроме того, заявитель должен доказать событие смерти гражданина в определённом месте и в определённое время; предоставить отказ в регистрации факта смерти гражданина органом ЗАГС; невозможность другим способом получить документы необходимые для регистрации факта смерти [8, с. 26-28]. Суд оценивает представленные доказательства в соответствии со статьей 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. При принятии решения об установлении факта смерти решение суда должно содержать подробные сведения о смерти

гражданина. Потому что на основании решения суда ЗАГС должен зарегистрировать смерть гражданина (ст.268 ГПК РФ).

При наследственности обязательна регистрация смерти гражданина (ст. 1110 ГК РФ). Для подтверждения права наследования наследник должен подтвердить, состоит ли он в родстве с умершим. В случае утраты подтверждающих документов наличие родственных отношений с умершим возможно установить в судебном порядке. Обращение в суд для установления юридического факта родственных отношений, гарантирует ст. 46 Конституции РФ. Поэтому при установлении судом факта отсутствия родственных отношений с умершим этот факт попадает под действие ст. 1117 ГК РФ [9, с. 18-21]. Такое обращение не может рассматриваться как обстоятельство совершения противоправных действий [10, с. 36-44].

Юридическим фактом, значимым для наследственных правоотношений, который зачастую устанавливается в суде, является установление места открытия наследства. Установление данного факта необходимо для определения нотариуса, ведущего наследственное дело в соответствии с основами законодательства Российской Федерации. (ред. от 27 декабря 2019г.). «Для выдачи свидетельства о праве на наследство нотариусу необходимо предоставить документы и сведения, подтверждающие факт смерти наследодателя; время и место открытия наследства» [11, с. 13-17]. Если умерший не зарегистрирован по месту жительства, момент наследования устанавливается в судебном порядке, если его место жительства известно наследникам. Также, если адрес регистрации по месту жительства умершего не соответствует его фактическому месту жительства, место начала наследования будет установлено в судебном порядке. Статья 20 Гражданского кодекса означает, что место, где гражданин проживает преимущественно или постоянно. В таких случаях заявитель обязан представить в суд доказательства, подтверждающие проживание умершего по конкретному адресу на территории Российской Федерации. Доказательства должны отвечать требованиям ст. 55 ГПК РФ. Доказательствами являются: договор аренды помещения, заключённый умершим; квитанции на оплату коммунальных услуг либо документы, подтверждающие оплату за проживание, свидетельские показания. Судом рассматривалось исковое заявление с просьбой установить местом открытия наследства – место регистрации умершего по месту пребывания. Гражданин был временно зарегистрирован по месту жительства после снятия с учета по собственному желанию по месту жительства, в связи с чем в связи с его скорострительной смертью он не успел обратиться с заявлением о

регистрации по месту жительства. Данное ходатайство удовлетворено судом [12].

Поэтому возможно в судебном порядке установить место инициирования наследования и факт смерти граждан, если известны их обстоятельства, но отсутствуют подтверждающие их документы. Заявители должны продемонстрировать заинтересованность в установлении этих фактов.

Установление юридических фактов в суде происходит не только тогда, подтверждающие их документы утеряны и не могут быть восстановлены, их подтверждающие, однако, если конкретная ситуация или состояние не имеет нормативно закреплённых норм, а устанавливается на основе норм, выработанных судебной практикой. В заключение следует отметить, что теория юридического факта сложилась настолько глубоко, что правоприменительная практика может успешно восполнять отсутствие нормативно закреплённого определения юридического факта.

Список использованной литературы:

1. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. II / Пер. с нем. Жигулина Г.; Под ред. Кутателадзе О., Зубаря В., М.: Статут; Одесса: Центр исследования права им. Савиньи, 2012. С. 212.

2. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. Монография. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. URL: <http://www.twirpx.com/file/1615418/> (дата обращения 03.04.2022).

3. Долинская В.В. Понятие и классификации юридических фактов: очерк систематизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 96 - 103.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5071

5. «КонсультантПлюс» URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-10072018-n-18-kg18-118/>(дата обращения: 03.10.2022).

6. Тарасенкова А.Н. Гражданское судопроизводство: руководство для тех, кому без суда не обойтись. М.: Редакция «Российской газеты». 2018. Вып. № 2. С. 176.

7. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства - 1997.

№ 47. - Ст. 5340.

8. Касаткина А.Ю. Обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения исков кредиторов к наследникам по долгам наследодателя // Наследственное право. 2018. № 1. С. 26 - 28.

9. Плеханова О.И., Филатова У.Б. Иждивенство как юридический факт при наследовании по закону // Наследственное право. 2018. № 1. С. 18 - 21.

10. Обозрение решений судов по делам о наследовании // Наследственное право. 2019. № 1. С. 36 - 44.

11. Доманов В.Н., Доманова М.В. Соглашение о разделе наследства: особенности подготовки и роль нотариуса // Наследственное право. 2019. № 3. С. 13 - 17.

12. Решение Первомайского районного суда г. Новосибирска от 20 июня 2017г. URL:<https://sud-praktika.ru/precedent/320867.html> / (дата обращения: 03.10.2022).

© Н.В.Нестеров, 2022

УДК 347.9

Нестеров Н.В.,
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

Понятие юридического факта в гражданском процессе

В рамках данной статьи рассмотрены отдельные понятия «юридического факта», которые получили свое закрепление в науке гражданско-процессуального права. Отдельное внимание автором уделено тому обстоятельству, согласно которому законодателем не было дано четкого определения «юридического факта».

В цивилистике недостаточно много внимания уделяется исследованию вопросам, связанным с юридическими фактами. Так, например многие советские теории относительно изучения вопроса юридического факта так и не получили своего развития в области российского гражданского процессуального права и только в последние несколько десятилетий эти вопросы получили свое закрепление.

Понятие юридических фактов исследовано и представлено в общей теории права. В гражданско-процессуальной литературе в чисто процессуальном контексте юридические факты как правило не рассматривались. Ф.К. Савиньи в 1840 г. Впервые упомянул юридический факт и считал под юридическим фактом «события, обуславливающие начало или конец правоотношения» [1, С. 212].

Позже О.А. Красавчиков отметил, «юридические факты - факты реальной действительности, с которыми нормы права связывают наступление юридических последствий, т.е. возникновение, изменение гражданских правоотношений» [2].

В.В. Долинская считает, что «основным критерием определения юридических фактов, выступает наличие юридических последствий» [3, 96-103].

Отечественный законодатель отвел под юридические факты отдельное положение в ст. 7 ГК РФ и там закрепил все условия возникновения гражданских прав и обязанностей. Существует множество научных исследований вопроса сущности юридического факта, однако гражданским процессуальным законодательством РФ не закреплено понятие юридического факта. Однако ч. 2 ст. 264 ГПК РФ [4, Ст. 5071] общедоступный перечень юридически значимых фактов, рассмотренных судами общей юрисдикции.

В теории гражданского права принято классифицировать юридические факты в соответствии со следующими признаками:

- по характеру последствий, которые наступают – правообразующие (устройство на работу), правоизменяющие (наследование), правопрекращающие (получение диплома о высшем образовании), и комплексные факты (вступление в брак);

- по волевому признаку – действия и события;

- по продолжительности действия – кратковременные и длящиеся;

- по количественному составу – простые и сложные;

- по значению – положительные и отрицательные.

В судебной практике очень часто возникает необходимость не только установления - имел ли место определенный юридический факт, но и документального подтверждения указанного факта. Имеют место также случаи, когда гражданин умышленно пытается ввести других лиц в заблуждение. Рассмотрение таких ситуаций, а также установление фактов, имеющих юридическое значение, отнесено к компетенции судов.

Установление юридических фактов в судебном порядке возможно, если заявитель заинтересован в установлении юридических

фактов. Таким образом, юридические факты приобретают субъективный характер.

Согласно ст. 265 ГПК РФ обязательным условием обращения в суд с заявлением об установлении и подтверждении юридических фактов является «невозможность получения заявителем в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или при невозможности восстановления утраченных документов». То есть шансов на получение документов, подтверждающих факты - нет.

В заключение следует отметить, что теория юридического факта сложилась настолько глубоко, что правоприменительная практика может успешно восполнять отсутствие нормативно закрепленного определения юридического факта. В связи с этим законодателю необходимо уделить должное внимание закреплению понятия «юридического факта» в отдельную норму гражданско-процессуального закона.

Список использованной литературы:

1. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. II / Пер. с нем. Жигулина Г.; Под ред. Кутателадзе О., Зубаря В., М: Статут; Одесса: Центр исследования права им. Савиньи, 2012. С. 212.
2. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. Монография. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. URL: <http://www.twirpx.com/file/1615418/> (дата обращения 03.04.2022).
3. Долинская В.В. Понятие и классификации юридических фактов: очерк систематизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 96 - 103.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5071
5. Цуканова Е. Ю.. "К ВОПРОСУ О СЛОЖНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКТЕ" Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки, no. 4, 2020, pp. 462-467.

© Н.В.Нестеров, 2022

Отмывание денег в Российской Федерации: состояние и перспективы развития

Состояние отмывания денег в Российской Федерации можно охарактеризовать по уровню зарегистрированных легализаций (отмываний) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем.

Данные официальной статистики МВД России [1] за период с 2016 по 2021 гг. о зарегистрированной преступности в РФ и тенденции ее развития представлены в таблице 1 и связанные с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем – в таблице 2. Анализ показателей показывает особенности рассматриваемых преступлений.

Таблица 1.
Количество зарегистрированных преступлений в РФ за период с 2016 по 2021 гг.

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего	2160063	2058476	1991532	2024337	2044221	2004404
Абсолютный базисный прирост к 2016 г.		-101587	-168531	-135726	-115842	-155659
к 2016 г. (в %)		-4,7	-7,8	-6,3	-5,4	-7,2
цепной прирост		-101587	-66944	32805	19884	-39817
цепной прирост (в %)		-4,7	-3,3	1,6	1,0	-1,9

Анализ данных о состоянии зарегистрированной преступности в РФ за рассматриваемый период (табл.1) позволяет говорить об

устоявшемся векторе динамики преступности, направленный на постепенное снижение общего числа зарегистрированных преступлений. В 2016 г. зарегистрировано 2 160 063 преступления, что является базовой точкой отсчета для дальнейшего сопоставительного анализа. За отчетный период с 2016 г. по 2021 г. отмечается стабильное снижение регистрируемой преступности на 7,2 % относительно базового периода. Незначительный рост зарегистрированной преступности наблюдался только в 2019 и 2020 гг. Незначительные колебания показателя цепной прирост в пределах 5 процентов свидетельствует о стабильности уровня преступности в целом. Общее снижение зарегистрированной преступности к 2021 году начиная с базового в абсолютном значении составило – 155 659 преступлений, свидетельствующий эффективность предпринимаемых комплекса мер по борьбе с преступностью. Дальнейшее снижение показателей преступности является одной из приоритетных задач правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел. На фоне устойчивых показателей общего уровня преступности обращает внимание структурные изменения преступности. Так, если преступления против личности в 2016 году составляли 16,08 % всей зарегистрированной преступности, то в 2021 году данный показатель составил 12,68 %, преступления против собственности в 2016 году составляли 57,05% всех зарегистрированных преступлений, то в 2021 году – 59,66%, мошенничества – 9,67 % в 2016 году и 16,94% в 2021 году и преступления, совершенные в крупном (значительном) размере либо причинившие крупный (значительный) ущерб, совершенные в особо крупном размере либо сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размере – 36,57 % и 40,1 % соответственно. Таким образом, за рассматриваемый период можно отметить тенденцию снижения насильственной преступности и возрастания корыстной преступности с увеличением преступлений, причинившие крупный (значительный) ущерб, совершенные в особо крупном размере либо сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размере, что на наш взгляд должно было отразиться повышением уровня отмывания денег.

На фоне общего состояния регистрируемой преступности в РФ динамика зарегистрированных легализаций (отмываний) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем в Российской Федерации за период с 2016 по 2021 гг. характеризуется показателями, представленными в таблице 2).

Таблица 2.

Количество зарегистрированных легализаций (отмываний) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем за период с 2016 по 2021 гг.

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021
всего	818	711	993	946	950	949
абсолютный базисный прирост к 2016 г.		-107	175	128	132	131
к 2016 г. (в %)		-13,1	21,4	15,6	16,1	16,0
цепной прирост		-107	282	-47	4	-1
цепной прирост (в %)		-13,1	39,7	-4,7	0,4	0,1
выявлено сотрудниками ОВД	607	666	897	858	837	858
совершенных в крупном или особо крупном размерах, либо причинивших крупный ущерб	387	365	423	423	430	471

Динамика зарегистрированных легализаций (отмываний) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем в Российской Федерации за период с 2016 по 2021 гг. имеет некоторые общие черты с общими показателями зарегистрированных преступлений, а также и отличия. Динамика последних трех лет устойчива, абсолютный показатель практически неизменчив (изменчив в пределах 0,4%). С 2016 г. по 2021 г. зафиксирован рост показателя на 39,7 % относительно базового периода в 2018 году, с последующим ее снижением. Общая тенденция повышения уровня корыстных преступлений, в том числе мошенничества не оказывает влияния на уровень отмывания денег.

Причинами таких тенденций, на наш взгляд, являются высокая латентность рассматриваемых преступлений, активная превентивная работа правоохранительных органов во главе с федеральным органом исполнительной власти, принимающей меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем – Росфинмониторингом, низкое качество предварительного расследования преступлений, связанных с легализацией преступных доходов.

О качестве предварительного расследования свидетельствует судебная статистика по рассматриваемым составам преступлений, на примере республики Башкортостан (см. таблицу 3.)

Таблица 3.
Судебная статистика легализаций (отмываний) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем за период с 2018 по 2021 гг. по республике Башкортостан

Количество дел / Год	2018	2019	2020	2021
по ст. 174 УК РФ:				
осуждено	0	0	0	0
оправдано	0	0	0	0
прекращено	0	0	0	0
по ст. 174 ¹ УК РФ:				
осуждено	10	8	5	2
оправдано	12	7	9	17
прекращено	1	3	4	2

В республике Башкортостан за период с 2018 по 2021 года не рассмотрено ни одного уголовного дела по ст. 174 УК РФ. По ст. 174¹ УК РФ за четыре года направлено в суд уголовные дела в отношении 80 обвиняемых, по которым осудили только 25 человек. 45 обвиняемых оправданы, в отношении 10 вынесены решения о прекращении уголовного дела, в том числе и по таким основаниям как в связи с «отсутствием состава, события преступления, непричастностью к преступлению». Работники следственных органов указывают на сложность доказывания

Таким образом, следует прогнозировать дальнейшее снижение регистрируемых отмываний денег, вследствие общей тенденции снижения преступности, высокой латентности данных преступлений,

проблемы с установлением цели отмыывания денег.

Список использованной литературы:

1. Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 01.10.2022).

© А.Р. Нугуманов, 2022

УДК 329

Оленников С.С.,
Филиал ЧОУВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»,
г. Рязань

Эволюция представлений о сущности политических коммуникаций

С развитием политической жизни общества, учеными, исследователями и общественно-политическими деятелями процесс политической коммуникации считается ключевым двигателем любого государства, так как передача информации в политическом процессе является основополагающей коммуникационной формой взаимодействия между политическими акторами.

Ряд ученых, в частности М. В. Грачев, подчеркивают стремление политических лидеров еще древних времен к использованию ныне понимаемых инструментов коммуникации в политике, так как благодаря этому они были способны овладевать умами своих граждан и контролировать поддержку своей внутренней и внешней политики. Использовались для этого различные, по большей части, психологические приемы убеждения и манипулирования: игра с тенью, акустикой и масштабом помещения, в котором расположена кафедра говорящего правителя и т.д.

Подходов к пониманию политической коммуникации достаточно много, ведь этот вектор политического управления позволяет активно бороться за власть и очерчивать политическую позицию. Однако, главной причиной для углубленного изучения данной проблемы стало появление средств массовой коммуникации и дальнейшее определение СМИ как новой ветви власти. По мнению Х.

Арендт, новые реалии значительно меняют основное предназначение политической коммуникации. И изменения эти изначально вызывали негативные оценки со стороны мыслителей, в частности у Т. Гоббса.

Представители либерального течения, в лице Дж. Локка, Д. Юма, Ш. Л. Монтескье, усматривали возможность контроля со стороны гражданского общества за ходом действий и легитимности решений государства и органов власти.

Марксистская точка зрения конкретизирует направленность политической коммуникации – идеологическое влияние. По мнению марксистов, благодаря СМИ государство может распространять конкретные политические установки, ценности, идеи и убеждения. Коммуникация становится только инструментом господствующего класса и в целом впервые характеризует политическую коммуникацию в качестве узконаправленного инструмента.

Начиная с Р. Ж. Шварценберга, понимание политической коммуникации вышло на новый уровень в социологических исследованиях. Теперь это процесс передачи информации, который взаимодействует как в рамках политической системы и ее внутренней коммуникации, так и с социальной системой, т.е. гражданами. Л. Пай, основываясь на модели политической системы Д. Истона, акцентировал внимание на широком диапазоне коммуникационных процессов, считая создаваемые сигналы факторами изменений в политике.

Среди авторов в рамках структурно-функционального подхода, стоит упомянуть Р. Мертон и Т. Парсонса, которые разработали методики анализа коммуникативного процесса, выделив в коммуникации элементы, взаимосвязанные между собой и выполняющие определенные функции. К примеру, Т. Парсонс обозначил функциональные требования, позволяющие подробно изучать отдельные этапы политической коммуникации: адаптация, достижение цели, интеграция и поддержание модели [1, 116].

Говоря о политической коммуникации, следует обращаться и к понятию «пропаганда», вклад в изучение которой внесли У. Липман и Г. Лассуэлл. У. Липман рассматривал происхождение общественного мнения и стереотипов, считая, что первое складывается из упорядоченных массовых мнений о каком-либо событии, на которые оказали влияние стереотипы, значительно отдаляя массовые представления от действительности. Стереотипы же возникают не только на этапе усвоения полученной информации, но и в ходе формирования информационной сводки журналистами и их заказчиками.

Эти основополагающие выводы были сделаны ученым благодаря контент-анализу печатных СМИ, что позволило следующим исследователям использовать данный метод.

Если говорить об информационно-кибернетическом подходе, то стоит упомянуть имя Карла Дойча. К. Дойч ставил акцент на политической информации как на сущности политики в целом, признавая в качестве политических сил финансовые вложения, традиционные нормы и т.п., не признавая насилие в политике.

К. Дойч полагал, что государство контролирует информационную наполняемость доступных коммуникативных каналов распространения и тем самым мобилизуя обмен информации внутри и вне политической системы.

Внутри политической системы существует несколько видов коммуникации: институциональные, неформальные и массовые [5, с. 108]. Как и упомянутые выше исследователи, он видит в СМИ основной инструмент взаимодействия с обществом. Также, К. Дойч вводит понятие «дейтократия», что означает «информационные элиты, контролирующие СМИ и властные институты, функционирование которых основано на использовании информации в своей деятельности».

В последствии исследователи стали выдвигать тезисы о том, что вертикальная коммуникация вовсе не соответствует коммуникации в общем понимании, ее чистый вид содержится в горизонтальной форме. Ведь именно последняя форма позволяет обеспечить общественно-политическое участие, соблюдая демократические принципы.

Еще несколько представителей американской школы внесли вклад в понимание политической коммуникации – Г. Алмонд и Дж. Коулман. Они не отделяли политическую коммуникацию от политической системы, отмечая ее значительную функциональную роль. Ведь благодаря политической коммуникации и существует возможность объединения и координирования интересов политических групп и обмен информационными потоками между политическими институтами. Происходит это благодаря функциям «входа» и «выхода». Входные функции реализуются при помощи неправительственных учреждений в виде:

- привлечения к политическому участию и социализации;
- объединения и координирования политических интересов;
- политической коммуникации.

Правительственные выходные функции из себя представляют:

- нормативно-правовое закрепление;

- применение законодательных норм;
- контроль за соблюдением нормативно-правовых норм [2, с. 440].

Сама политическая коммуникация осуществляется как на входе, так и на выходе. Поступающая информация о необходимости поддержки общества или выполнения конкретно сформулированных требований обеспечивает всю политическую систему и побуждает ее функционировать с учетом мнения граждан.

Франкфуртская школа также достойна отдельного внимания при рассмотрении теоретических подходов к политической коммуникации. Среди представителей – неомарксистов: Г. Шиллер, Г. Маркузе и др. Они тоже считали политическую коммуникацию инструментом идеологической пропаганды, контроля над массовым сознанием и поддержания стабильности системы капиталистической направленности. В их исследованиях обозначен заказчик создания и трансляции информативных текстов, содержащих в себе достаточное количество культурных, идеологических и ценностных отсылок – элита, заинтересованная в стабильности и укреплении политической лояльности в обществе, позволяющих поддерживать господство капитала.

Г. Маркузе в массовой коммуникации видел инструмент, способный обеспечить одномерное существование человека в медийном пространстве.

Политическая система сохраняет свои позиции только благодаря традиционным СМИ. Если их не будет, тогда человек сможет свободно мыслить при свободном сознании. При потере СМИ политическая система теряет всяческую опору и сдает позиции, что уничтожает господство капитала [3, с. 69].

В разработку тематики политических мифов немало вложил Г. Шиллер, полагая, что массовой коммуникации удастся поддерживать стабильность господства капитала за счет составления политических мифов. При помощи мифов политическим системам удастся эффективно действовать и поддерживать общественный порядок. Массовая коммуникация дает возможность политическим элитам формировать и манипулировать общественным сознанием [6, с. 102].

Чем больше исследований массовой коммуникации возникало, тем яснее выявлялись потребности модернизировать процессы политической коммуникации. Так, У. Шрамм указывал на те направления, которые требуется доработать, чтобы отойти от традиционных обществ:

- расширить участие граждан в принятии политических решений, для чего необходимо добавить новые каналы коммуникаций;
- в целом увеличить информационные потоки, затрагивающие больше проблем национального и глобального характеров, не забывая про освещение местных вопросов;
- обучаться новым видоизмененным формам коммуникации, особенно дистанционных каналов коммуникации [7, с. 34].

Представители Торонтской школы в лице М. Маклюэна и Г. Инниса отслеживают процесс трансформации массовых коммуникаций и соответственно возникновения новых коммуникативных технологий.

Г. Иннис полагает, что существует зависимость между типом массовых коммуникаций и типом общественного устройства за счет использования конкретных коммуникативных технологий в рамках условий существования и развития массовой коммуникации. Если существует определенный тип коммуникации, практикуемый в общественном медийном пространстве, значит он может побудить соответствующий социальный отклик и возыметь определенный политический эффект. Г. Иннис подчеркивает стремление элит постоянно удерживать в своих руках каналы и средства массовой коммуникации. По данному стремлению и силе контроля за СМИ можно определить тип государственной политики, практикуемый в конкретный промежуток времени. Важным является аспект влияния технологической трансформации в СМИ, что ведет за собой перемены в коммуникативной среде и смене типа общественного устройства. Это позволяет исследовать первопричины формирования информационного общества. На сегодняшний день этот подход актуален по причине формирования нового коммуникативного пространства – Интернет среды.

Говоря о последствиях трансформации коммуникативных процессов, нужно проговорить вопрос изменения коммуникационной политики государства [4, с. 47]. Представитель теории информационного общества М. Кастельс относит власть к процессу генерирования и передачи информации, культурных кодов, обеспечивающих содержательное обоснование власти. В своих работах автор подчеркивает сетевую природу социальной структуры, что должно позволить ей стать более динамичной и открытой к внедрению новых возможностей без каких-либо издержек. Для поддержания конкурентоспособности среди всеобщего информационного потока следует также обращать внимание на имидж

органов государственной власти и грамотно его выстраивать в том числе при помощи Интернет-инструментов.

Тем не менее, в целом дается весьма положительная оценка позиции политической власти в условиях нового коммуникативного пространства, однако ряд исследователей задается вопросом о тщательном переосмыслении возникающих угроз, способных ввести в дисбаланс или вовсе разрушить политические отношения как внутри государств, так и на международном поле. Среди основных угроз – риторика государственных ведомств, качественная наполняемость информационных материалов.

Так, угрозу возникновения новых тоталитарных государств усматривает Ё. Масуда, опасаясь за концентрацию большинства информационных источников в руках членов одной политической элиты или группы, одинаково заинтересованных в контроле этих источников.

Еще один научный подход к политической коммуникации с проблематикой смыслового содержания – это определение Д. Свенсона, который ввел термин «политико-медийная система». В своих работах автор под системой определяет комплекс отношений, складывающихся между СМИ и государственными институтами по вопросам взаимодействия с населением. Д. Свенсон считает, что политическая коммуникация выступает главным способом распространить уже интерпретационную, адаптированную информацию для населения с необходимым количеством данных и источников, что является основной причиной необъективного ознакомления с реальной ситуацией. Т.е. это вновь инструмент точечной манипуляции, который в последствии помогает власти легитимировать свои действия и решения.

Рассмотрев подходы к определению политических коммуникаций, укажем обобщающие характеристики о понимании современной политической коммуникаций:

- политическая коммуникация — это не случайное информационно- коммуникативное воздействие, носящее нерегулярный характер;

- коммуникационный процесс не может быть однонаправленным;

- коммуникация становится конкурентной и требующей необходимую инфраструктуру (каналы, генераторы контента и т.д.), что формирует виртуальное пространство;

- конкурентный характер идеологий, смыслов и ценностей создает тенденцию радикализации их политического содержания.

Политические коммуникации сегодня выполняют разнообразные функции внутри и за пределами политической системы.

Список использованной литературы:

1. Дубинина, В. А. Региональная политика России, основные аспекты / В. А. Дубинина, Ю. С. Афанасьева // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: Материалы XIII научной конференции с международным участием: сборник статей, Москва, 22 ноября 2018 года. – Москва: Институт мировых цивилизаций, 2018. – С. 115-120.

2. Ершова, А. К. К вопросу о формировании правового сознания и правовой культуры молодежи XXI века / А. К. Ершова, О. Ю. Шибаршина // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре общества XXI века: Сборник научных трудов, Санкт-Петербург, 11–12 ноября 2015 года. – Санкт-Петербург: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский университет управления и экономики, 2015. – С. 439-443. – EDN UTWUUN.

3. Кадомец, А. В. К вопросу о сущности интеллектуального капитала в культуре XXI века / А. В. Кадомец, Л. А. Горбачева, О. Ю. Шибаршина // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре общества XXI века: Сборник научных трудов, Санкт-Петербург, 11–12 ноября 2015 года. – Санкт-Петербург: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский университет управления и экономики, 2015. – С. 66-71.

4. Кострова, Ю. Б. Особенности использования информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении / Ю. Б. Кострова // Научные труды Московского университета имени С.Ю. Витте. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2020. – С. 41-52.

5. Кострова, Ю. Б. Мировой опыт и тенденции развития социальной политики и практики / Ю. Б. Кострова, В. В. Туарменский, О. Ю. Шибаршина ; Московский университет им. С.Ю. Витте; филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Рязани. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2019. – 271 с. – ISBN 978-5-9580-0483-6.

6. Кострова, Ю. Б. Деловые коммуникации: Учебное пособие / Ю. Б. Кострова, В. В. Туарменский, О. Ю. Шибаршина. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2018. – 312 с. – ISBN 978-5-9580-0417-1.

7. Политические технологии: вопросы теории и методологии формирования процессов / О. П. Лебедева, А. А. Кучеренко, С. Д. Козлов [и др.]. – г. Москва: Институт мировых цивилизаций, 2016. – 40 с.

© С.С. Оленников, 2022

УДК 349

Писарев В.В.,
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ, г. Москва

Эволюция правового регулирования оборота персональных данных в США на примере штата Нью-Йорк

Американский подход к регулированию оборота персональных данных отличен от европейского — регулирование оборота персональных данных осуществляется на уровне законодательства отдельных штатов и в отдельных отраслях (например, финансовой, образовательной телекоммуникационной. В качестве примера можно привести Закон Грэмма Лича-Блайли (GLBA) [1], устанавливающего стандарты обработки персональных данных в банковской, страховой и финансовой сфере). При этом, хотелось бы сделать оговорку, что одной из наиболее масштабных по количеству субъектов персональных данных сфер правового регулирования является потребительский сектор.

Первым законом на территории США, установившим особые правила регулирования обработки персональных данных в потребительском секторе, стал Закон штата Калифорния о защите конфиденциальности потребителей (California Consumer Privacy Act, CCPA), вступивший в силу с 1 января 2020 года [2].

В последствии к регулированию конфиденциальности потребителей пришли такие штаты как Вирджиния, принявшая Virginia Consumer Data Protection Act, и Колорадо, принявший Colorado Privacy Act [3, с. 8].

На очереди находится штат Нью-Йорк, третий по величине штат США. В Сенате штата в настоящее время рассматривается Закон

штата Нью-Йорк о конфиденциальности данных потребителей (New York Privacy Act, NYPA) [4], принятие которого даст энергичный импульс регулированию персональных данных потребителей не только на уровне штата, но и на уровне всего американского государства.

«Потребители должны иметь право выбирать, собирают ли и как используют компании их личную информацию. Жители Нью-Йорка должны знать, что компании, которые собирают, обрабатывают и защищают их личную информацию, делают это этично и ответственно», – заявил автор законопроекта NYPA Кевин Томас [5].

С одной стороны, нужно отметить, что на уровне законодательства штата Нью-Йорк уже существуют акты, регулирующие вопросы обработки персональных данных. Перечислим основные из них:

Закон штата Нью-Йорк о нарушении информационной безопасности и уведомлениях об утечках данных (The New York State Information Security Breach and Notification Act), возлагающий на компании, которые обрабатывают персональные данные субъектов, обязательство информировать резидентов и нерезидентов штата Нью-Йорк в случае утечек персональных данных субъектов. Кроме того, компании должны информировать три ведомства штата Нью-Йорк о подобном инциденте: Генерального прокурора штата, Управление кибербезопасности и координации критической инфраструктуры и Совет по защите прав потребителей.

Данный закон также интересен тем, что он раскрывает дефиницию *«приватной информации» (private information)*, означающую личную информацию, состоящая из любой информации в сочетании с любым одним из элементов данных, когда-либо личная информация, либо элемент данных не зашифрованы, либо зашифрованы ключом шифрования, который также был сформирован компанией. К элементам данных можно отнести: 1) номер социального страхования (SNN); 2) номер водительского удостоверения либо non-driver ID; 3) номера банковских счетов, кредитных и дебетовых карт, в сочетании с любым требуемым кодом безопасности, кодом доступа или паролем, который позволяет получить доступ к финансовому счету физического лица. Приватная информация не включает общедоступную информацию, которая доступна на законном основании широкой общественности из документов федеральных, государственных или местных органов власти. Кроме того, в данном законе содержится определение *«личной информации» (personal*

information), любую информацию о физическом лице, которая, из-за имени, номера, личного знака или другого идентификатора может быть использована для идентификации такого физического лица.

Закон штата Нью-Йорк о прекращении компьютерных атак и улучшении безопасности электронных данных (*The New York Stop Hacks and Improve Electronic Data Security Act (SHIELD Act)*), расширивший действие законодательства штата по кругу лиц: теперь законодательство штата Нью-Йорк распространяет свое действие на любое лицо, которое владеет или лицензирует данные о жителях штата. Кроме того, закон расширяет понятие «*приватной информации*» (*private information*), к которой теперь относится биометрическая информация, номера счетов, номера кредитных и дебетовых карт (даже без кода безопасности), коды доступа, логины пользователей, адреса электронной почты, пароли, а также секретные вопросы и ответы, истребуемые при регистрации на электронных ресурсах [6].

Таким образом, нельзя сказать, что эволюция законодательства штата Нью-Йорк по вопросам регулирования обработки персональных данных связана лишь с развитием общеамериканского подхода к регулированию конфиденциальности в потребительском секторе, что отчетливо проявляется в связи с принятием CCPA в Калифорнии, VCDPA в Вирджинии и CPA в Колорадо. Безусловно, развитие правовых систем штатов является важным фактором конкурентоспособности в федеративном государстве, так как штаты в США обладают определенной независимостью от федеральной власти. Тем не менее, на наш взгляд, законодательство штата Нью-Йорк, которое безусловно является одним из факторов, притягивающих американский бизнес на Восток страны, ставит своей целью не только развитие передовых областей правового регулирования с заимствование удачных концепций в законодательстве и правоприменительной практике других штатов, но и продолжает традицию самостоятельного регулирования сферы обработки персональных данных.

Стоит учитывать также и электоральные факторы. Нельзя сказать, что NYPA является законом популистским, о чем мы подискутируем в связи с анализом его отдельных особенностей, но стоит понимать, что сенаторы штата Нью-Йорк отвечают не только на запрос общества (одна из наиболее массовых утечек персональных данных последнего времени, связанная с похищением данных американского бюро кредитных историй Equifax, затронуло права 8 миллионов жителей штата Нью-Йорк) последовательно совершенствуя

законодательство о приватности, но реализуют свои политические амбиции.

Для того, чтобы понять основные правовые термины, конструкции и подходы, используемые в NYRA, мы проанализируем текст законопроекта. Таким образом, по нашему мнению, нам удастся препарировать законопроект, разобрав его на «юридические атомы», и выявить некоторые особенности регулирования персональных данных.

Начать следует с письменного заявления сенатора Кевина Томаса, которое приводится в качестве преамбулы (которую можно рассматривать как пояснительную записку) к законопроекту. Так, законопроект актуален ввиду следующего:

- Технологии увеличивают массив персональных данных, собираемых в различных целях и относимых к различным категориям.

- Операторы персональных данных используют и передают персональные данные способами, непонятными для субъектов.

- Алгоритмы используют персональные данные при принятии важных решений вне рамок ответственности физических лиц.

- Жители штата Нью-Йорк испытывают огромное, не всегда очевидное влияние, поведенческой рекламы, превращая субъекта в digital-объект.

Соответственно, законопроект должен обеспечивать права жителей штата Нью-Йорк:

- Быть уведомленными о том, как используются, обрабатываются и передаются их персональные данные.

- Получить копию используемых персональных данных в электронном виде с возможностью их передачи другому оператору.

- Уточнять либо удалять неточные персональные данные.

- Оспаривать автоматизированные решения, связанные с обработкой персональных данных.

- Быть уведомленными о том, какой прогнозируемой вред связан с обработкой их персональных данных.

- Предъявить частный иск к оператору за незаконную обработку персональных данных и взыскать разумные судебные расходы.

Прежде чем перейти к анализу важнейших, на наш взгляд, легальных дефиниций, используемых в законопроекте, сделаем оговорку, что несмотря на то, что NYRA концептуально заимствует содержание определений «старшего брата» – ССРА, все же используемая терминология в большей степени ориентирована на англоязычные термины, используемые в GDPR.

Лицо – физическое или юридическое лицо, организационно-правовой формой или органом.

Физическое лицо действует только в индивидуальном-семейном или бытовом контексте. В него не входит физическое лицо, о котором известно, что оно действует в коммерческом или трудовом контексте.

Потребитель – физическое лицо, являющееся жителем Нью-Йорка, действующее только в индивидуальном или семейном контексте. Не является потребителем лицо, действующее в коммерческих или трудовых целях.

Контроллер – лицо, которое самостоятельно или совместно с другими, определяет цели и средства обработки персональных данных.

Обработчик – лицо, которое обрабатывает данные от имени контроллера.

Брокер данных – лицо (по смыслу дефиниции NYRA), которое ведет бизнес в штате Нью-Йорк и сознательно собирает, и продает контролерам или третьим лицам персональные данные потребителя, с которым у него нет прямых отношений.

Персональные данные – любые данные, которые идентифицируют или могут быть обоснованно связаны прямо или косвенно с конкретным физическим лицом, домохозяйством или устройством. Персональные данные не включают деидентифицированные данные.

Устройство – любой физический объект, способный подключаться в Интернет, прямо или косвенно, или на другое устройство и предназначенный для использования физическим лицом или домохозяйством, или, если используется вне дома, для использования широкой публикой.

Обработка персональных данных – операция или набор операций, которые выполняются над данными или наборами данных, включая, но не ограничиваясь сбором, использованием, доступом, совместным использованием, монетизацией, анализом, хранением, созданием, генерированием, деривацией, записью, организацией, структурированием, хранением, раскрытием, передачей, анализом, распоряжением, лицензированием, уничтожением, удалением, модификацией или деидентификация данных.

Также важно отметить, что NYRA применяется к юридическим лицам, которые ведут бизнес в Нью-Йорке или производят продукты или услуги, которые, предназначены для жителей Нью-Йорка, и соответствует одному или нескольким пороговым значениям:

а) имеют годовой валовой доход в размере 25,000,000 долларов или более;

б) контролирует или обрабатывает персональные данные 100,000 потребителей или более;

в) контролирует или обрабатывает персональные данные в размере 500000 физических лиц или более по всей стране, а также контролирует или обрабатывает личные данные 10000; или

г) получает более пятидесяти процентов валового дохода от продажи персональных данных, а также контролирует или обрабатывает персональные данные 25000 потребителей или более.

Исходя из выявленных особенностей предполагаемого регулирования обработки персональных данных в штате Нью-Йорк можно сделать вывод о том, что акцент на потребительском секторе с учетом общеамериканского подхода к регулированию приватности физических лиц (напомним, что в США законы о приватности децентрализованы – положения об обеспечении конфиденциальности частных лиц содержатся в ряде отраслевых актов) позволяет обеспечить наиболее широкое по кругу лиц регулирование приватности, ведь каждый из нас проявляет себя в качестве потребителя ежедневно. При этом, с развитием Интернет-торговли и всевозможных цифровых сервисов потребительские отношения все больше переключаются в Интернет. Таким образом в случае, если NYRA будет принят, то даже с учетом того, что существует ряд ограничений по применению положений законопроекта к юридическим лицам, он станет поистине всеобъемлющим.

Кроме того, особенностью NYRA, равно как и CCPA, является возможность подачи исков к контроллерам (предприятиям) как публичных – от имени народа штата, так и частных – от имени конкретного нарушителя. Причем, **частный иск** по NYRA позволяет заявить требование о взыскании «законных убытков» в размере 1000 долларов США, не доказывая факт несения убытков, что явно больше, нежели в соответствии с CCPA, который предусматривает размер ответственности в размере от 100 до 750 долларов США.

При этом анализируя природу такой ответственности можно сказать, что это гражданско-правовая ответственность, носящая публично-правовой характер (statutory damages). К слову, подобный вид ответственности очень напоминает компенсацию за нарушения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (ст. 1252 ГК РФ), которая пользуется большей популярностью у правообладателей, обращающихся за защитой своих прав в судебные

учреждения Российской Федерации (размер требований, связанных с взысканием компенсации, многократно превышает размер требований, связанных со взысканием убытков за нарушение исключительных прав).

Относительно небольшой фиксированный размер, подобных «законных убытков», по нашему мнению, будет стимулировать контроллеров создавать эффективную систему управления персональными данными потребителей, иначе разрушительный ущерб, связанный с дороговизной ведения множества судебных тяжб в судебных органах, может оказаться фатальным для бизнеса, систематически нарушающего права потребителей в сфере обеспечения их конфиденциальности.

В Российской Федерации, к слову, также можно взыскать убытки, причинённые неправомерной обработкой персональных данных, формулируя требования на основе общих положений деликтной ответственности. Тем не менее, подобных дел в правоприменительной практике встречается крайне мало [7], что, по нашим оценкам, явно не соответствует реальному количеству нарушений законодательства об обработке персональных данных.

Также в NYRA, помимо прочего, отчетливым образом *прослеживается вектор узаконивания рынка персональных данных*, что мы можем оценить только позитивным образом: цивилизованный рынок является благом. В пользу этого говорит введение в законопроект специальной фигуры — брокера данных, на которого накладывается ряд ограничений в целях обеспечения стабильности оборота персональных данных потребителей. Признание и выделение посреднической фигуры на рынке данных говорит о том, что сфера обработки персональных данных простирается за пределы отношений потребителя и контроллера.

С другой стороны, внося некоторую критику к оценке концепта рынка персональных данных жителей штата Нью-Йорк можно сказать, что оценивая юрисдикционные пределы действия NYRA будет уместным сказать, что NYRA является актом экстерриториального действия и не ограничивается территорией штата Нью-Йорк: если компания соответствует критериям определенным в законе и производит товары или предоставляет услуги для жителей штата Нью-Йорк, то не имеет разницы, в каком штате США находится организация, что может создавать определенные проблемы для органов власти штата Нью-Йорк, будь то при применении NYRA, хотя экстерриториальность как таковая не является новым подходом для в сфере регулирования обработки персональных данных: она

проявляется и в GDPR, и в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных».

Наконец, вспомнив крылатую фразу «*Кто владеет информацией, тот владеет миром*», приписываемую Натану Ротшильду, мы можем несколько ее трансформировать применительно к NYRA и штату Нью-Йорк: «*Генеральный прокурор штата владеет персональными данными потребителей, а значит владеет штатом*». Действительно, в схеме регулирования персональных данных потребителей, устанавливаемой законопроектом, **центральной фигурой**, осуществляющей контрольно-надзорные функции, **является офис Генерального прокурора штата Нью-Йорк**. Ему принадлежат функции взаимодействия с контроллерами и брокерами данных, а также право подачи публичного иска по наиболее резонансным случаям нарушения прав потребителей в сфере обеспечения конфиденциальности. На наш взгляд, в аппаратно-политической повестке штата Нью-Йорк полномочия, связанные с такой важной и злободневной темой как регулирование обработки персональных данных, могут принести политические дивиденды. Напомним, что Генеральный прокурор штата Нью-Йорк является выборным лицом.

Законопроект штата Нью-Йорк США о конфиденциальности данных потребителей (NYRA) продолжает тенденцию регулирования приватности потребителей, распространяющуюся по Америке. Концептуально NYRA отражает подходы, закрепленные в Законе Калифорнии о защите персональных данных потребителей (CCPA). Это выражается в определении компаний, на которые налагаются обязанности по соблюдению положений законопроекта, в совокупности прав потребителей в сфере конфиденциальности данных, в процедуре взаимодействия компаний с субъектом персональных данных – потребителем, в вопросах ответственности за нарушение обработки персональных данных – возможности применения публичного и частного иска.

Тем не менее, NYRA терминологически очень близок к GDPR. И в анализе юридической техники можно выявить некоторые «похожести», которые, скорее, относимы к европейской традиции регулирования обработки персональных данных. Да это может быть неочевидно, чем руководствовались авторы законопроекта давая определение биометрической информацией — GDPR, CCPA или иным отраслевым американским актом Законом штата Иллинойс США об обеспечении приватности биометрической информации (BIPA)? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ, тем не менее, NYRA дает

ощущение, что авторы вдохновлялись не только американским законодательством.

Отличается ли NYPA от CCPA и иных актов американского права, регулирующих вопросы персональных данных? Безусловно, некоторые отличия найти можно. Хотя бы применительно к размеру ответственности за нарушения прав субъектов персональных данных – потребителей. В масштабе одного штрафа сумма может показаться небольшой, тем не менее, законопроект предусматривает возможность привлечения компании к ответственности за каждое нарушение прав потребителя в сфере конфиденциальности данных (§ 1106. 1. b. NYPA). Таким образом, например, в случае утечки данных, приводящей к нарушению прав потребителей, сумма штрафов в Нью-Йорке может превысить штрафы за соответствующие нарушения в Калифорнии в разы. Такие риски безусловно будут учтены корпорациями технологического сектора, но с другой стороны – жители штата Нью-Йорк должны вновь почувствовать себя в безопасности перед цифровыми сервисами, все больше и больше подчиняющими их жизнь.

Законопроект разрабатывается уже длительное время: первоначальная редакция (S5642) поступила в легислатуру штата 9 мая 2019 года, в настоящее время Сенатом штата Нью-Йорк рассматривается вторая версия законопроекта (S6701). Мы считаем, что законопроект в предлагаемой к настоящему времени редакции будет принят.

Безусловно, NYPA создает самый высокий стандарт обеспечения прав потребителей на конфиденциальность данных о них и предлагает лучшую практику регулирования обработки персональных данных.

Список использованной литературы:

1. Gramm–Leach–Bliley Act, 15 USC, Subchapter I, Sec. 6801–6809, Disclosure of Nonpublic Personal Information, FTC, 1999
2. An act to add Title 1.81.5 (commencing with Section 1798.100) to Part 4 of Division 3 of the California Civil Code, relating to privacy.
3. Federman H. Examining Virginia's New Data Protection Law // Risk Management. – 2021. – Т. 68. – №. 6. – С. 8.
4. The New York State Senate. Senate Bill S5642. Relates to enacting the NY privacy act.
5. Jackson Lewis, Is New York Next? A Comprehensive Consumer Privacy Bill Reintroduced / Jackson Lewis. — Текст: электронный // JD Supra: [сайт]. — URL:

<https://www.jdsupra.com/legalnews/is-new-york-next-a-comprehensive-5376834/> (дата обращения: 17.09.2021).

6. Payne D. et al. New York Shows Two Sides of the Same SHIELD Act // The Business Lawyer. – 2020. – Т. 76. – №. 1. – С. 283-287.

7. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.05.2021 № 88-7625/2021 по делу № 2-2154/2020.

© В.В. Писарев, 2022

УДК 347

Сафонецева Ю.С., Рогожина А.А.,
Научный руководитель: Гуляева Т. Б.,
к.юр.н., доцент,
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Нижний Новгород

Особенности защиты авторских прав в Российской Федерации

Право интеллектуальной собственности является подотраслью гражданского права в Российской Федерации, относящаяся к частному праву, то есть к праву, которое носит диспозитивный характер и основывается на методах юридического равенства. Оно регулирует общественные отношения по поводу создания и использования результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации.

В Гражданском Кодексе Российской Федерации в ст. 1225 дано определение «интеллектуальной собственности». Интеллектуальная собственность понимается как результат интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана. Результатами интеллектуальной деятельности являются нематериальные объекты, которые находятся в сознании их создателей. К таким нематериальным объектам можно отнести идеи, решения, образы, символы, информацию [1].

Право интеллектуальной собственности еще называют «авторским правом», субъектами которого являются физические лица, юридические лица или публично-правовые образования, а объектами – производные произведения, представляющие собой переработку другого произведения, и составные произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда.

Основными источниками, то есть способами закрепления норм авторского права, в российской юридической практике являются:

- Конституция РФ;
- Гражданский кодекс РФ;
- Федеральные законы;
- Подзаконные акты;
- Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений;
- Всемирная (Женевская) конвенция об авторском праве.

Ежегодные отчеты сотрудников Генпрокуратуры свидетельствуют о постоянном росте нарушений авторских прав. Это связано в том числе с активным развитием новейших технологий и внедрением процесса цифровизации в жизнедеятельность общества. Также на увеличение правонарушений в данной сфере сказывается отсутствие со стороны граждан определенного уровня юридических знаний, интереса и осознания особенностей законодательства, регулирующего авторские права. Так, уже в 2020 году было выявлено свыше 3300 нарушений в данной сфере правоотношений, по которым российскими судами было вынесено 334 акта по спорам о нарушении авторского права, что на 40% больше, чем в 2019 году. Рост этого показателя прослеживался и в 2021 году [2].

Среди нарушений авторских прав выделяют два следующих общих блока[3]:

1. Плагиа́т: представляет собой нарушение неимущественных прав автора, в том числе права на имя. Фактически плагиатом считается «присвоение» авторства на чужую интеллектуальную собственность.

2. Пиратство (контрафакция): является нарушением имущественных прав автора с целью получения некоторой коммерческой выгоды без получения на это согласия правообладателя. Примерами пиратства являются продажа, сдача в прокат и любое иное незаконное действие по отношению к произведению, не перешедшему в категорию народного достояния.

Каждое нарушение авторского права, в зависимости от своей специфики и размера нанесенного ущерба, влечет за собой административную, гражданско-правовую или уголовную ответственность.

Дела по защите авторских прав чаще всего рассматриваются в судах общей юрисдикции. Владелец авторских прав вправе подать в суд иск, которым он требует от нарушителя незамедлительного прекращения правонарушающих действий и возмещения причиненных убытков. Также истец вправе потребовать взыскать с нарушителя доходы, полученные им в результате незаконного использования авторских прав, выплаты компенсаций в размерах, установленных законом, причем помимо возмещения фактических убытков и упущенной выгоды, автор может запросить компенсацию за моральный вред (ст. 151 ГК РФ) и уничтожения всех экземпляров произведения, которые были изданы незаконным путем [4].

Таким образом, сейчас все большее внимание уделяется защите авторских прав, а сложность данного процесса обусловлена его неспособностью выступать в роли монолитного права.

Список использованной литературы:

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 07.10.2022) / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 12.10.2022).
2. Более 3300 нарушений авторских прав выявила Генпрокуратура в 2020 году / Право.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/231681/> (дата обращения: 12.10.2022).
3. Интеллектуальная собственность: авторское право / Правоведус [Электронный ресурс]. URL: <https://pravovedus.ru/practical-law/civil/intellektualnaya-sobstvennost-avtorskoe-pravo/> (дата обращения: 12.10.2022).
4. Нарушение авторских прав: примеры, способы защиты, ответственность / Клерк.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.klerk.ru/blogs/rosco/526372/> (дата обращения: 12.10.2022).

© Ю.С. Сафонецва, А. А. Рогожина, 2022

Труфанов Г.А.,
магистрант института философии СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Конфликтологическое осмысление восстания «Басени» в ДРК

Аннотация. Автор статьи осуществил попытку комплексного конфликтологического осмысления проблематики восстания Пьера Мулеле и аспекта редукции насилия в рамках процедур урегулирования конфликта в ДРК. Автор приходит к выводам о сложности конфликтогенности протекания политического процесса в ДРК, а также процессов реформирования и перестройки структур и институтов государства вкуче с продолжением значительным политическим и экономическим влиянием со стороны бывших метрополий и «крупных игроков». По мнению автора ДРК представляется зоной для постоянного и самоконституирующегося конфликта. В данной статье конфликт рассматривается как форма столкновения противоречий групп интересов сфере осуществления специальных интересов, при чем данные интересы являются разнонаправленными и взаимоисключающими и осуществление одного возможно только за счет другого.

Ключевые слова: конфликт, интересы, урегулирование, инсургенция, антагонизм, ДР Конго, кризис.

Trufanov G.A.,
master student of SPBU, Saint Petersburg

Conflict genesis of the «Baseni» rebellion in DRC

Summary. The author of the article attempted a comprehensive conflictological understanding of the issues of the uprising of Pierre Mulele and the aspect of reducing violence within the framework of the conflict resolution procedures in the DRC. The author comes to conclusions about the complexity of the conflict between the political process in the DRC, as well as the processes of reforming and restructuring the structures and institutions of the state, coupled with the continuation of significant political and economic influence from the former metropolis and "major players." According to the author, DRC seems to be a zone for a permanent and self-constitutive conflict. In this article, the conflict is considered as a form of clash between groups of interests in the sphere of exercising special interests, in which these interests are multidirectional and mutually

exclusive and the implementation of one is possible only at the expense of the other.

Key words: conflict, interests, settlement, insurgency, antagonism, DR Congo, crisis.

From January to August 1964, insurgencies covered 5 of the 21 provinces of the DRC, three of them entirely, and penetrated 51 more. In 1964, the "Mulele uprising" began in Quilu under the leadership of Pierre Mulele, a member of the PSA3 who received a military education in China, which influenced its strategic concept, which was similar to the Chinese doctrine of the "people's war." [1] The uprising was prepared for more than six months, the center of the rebel region was the triangle Lukamba - Yasssa-Lokva - Imbongo, where since August 1963 there have been rebel training camps, in which military and political training of partisans was carried out, active anti-government propaganda was carried out, the gendarmerie in the fall of 1963 made several attempts to eliminate the Mulelist threat, but the insurgents successfully avoided contact and carried out several sabotages on the roads of the region. [3, c.237] On December 31, an uprising began, in the prefecture of Idiofa "fables," insurgents attacked posts and patrols, smashed and set fire to administrative buildings, ambushed roads and destroyed communication lines, by the beginning of spring, the rebel army had grown to several thousand people living in groups of 20-50 persons acting far away from roads in a wooded area, usually active at night or before dawn, ambushes on roads were widespread, accompanied by traps, pits or early damage to bridge supports in the attacked areas. By spring, the rebels, de facto, controlled three districts. By mid-April, the government transferred additional forces to the region and blocked the insurgency area. The Mulele uprising cost from October 1963 to the beginning of 1965 about 9,000 killed. By December 1965, the uprising was reduced to the leader's own intra-tribal group, but also the following year, the territory south of Kikwit was considered "unsafe." [5], [8, p.1074] The development of the conflict has the character of an ever-expanding sphere, all new actors are included in this conflict. Violence in this case seems to be inherent in all conflict situations in the region, indicating the focus of actors on the fight, as the main sign of conflict. [2]

At this point we would like to make a reference to Ralph Darendorf's model of conflict as the most operational and relevant. The main thesis, in this case, is the impossibility of resolving the conflict. Basic and fundamental determinants cannot be eradicated. The basic contradictions underlying the conflict in the DRC, namely economic factors, as the most relevant in terms of intervention in the conflict of large

corporations, other states, as well as the huge number of NVFs and the illegal market, caused by the powerlessness of state institutions cannot be resolved and eradicated as determinants. 121 The impact on determinants can be of a purely regulatory nature, that is, in the case of the Congo, aimed at forming a special type of interaction between actors in the conflict and building a special sphere for interaction. The author agrees with the position of Lewis Coser, who understood social conflict as a struggle for values and claims to status, power and resources, during which opponents neutralize, damage or eliminate their rivals. [6, pp.8-16] An effective settlement of the conflict is possible subject to three main aspects. [4] The most important of them is the recognition of the realism of existing antagonistic interests. Opponents need to recognize the inevitability of the existence of mutual claims to the object. Here, the key factor is the development of a language of values, interests, needs understood by all parties to the conflict. However, in the case of gangs, one should not emphasize the commonality of goals, it is necessary to clearly understand the "demarcation" lines. The second aspect is the institutionalization of the articulation of the interests of opponents, the organization of the parties to the conflict, by creating associations, organization, coalitions, as well as bodies for translating interests. Conflict-structure, which is closely related to the context of reality in which it exists and proceeds, the relationship between the external and internal environments of the conflict has a significant potential to influence the course of settlement. [7, pp.9-17] This will create a special field for a structured dialogue between all participants in the process. The third point is to create the conditions for the involvement of a mediator and the approval of a single procedure for the included dialogued discussion of problems in order to achieve maximum efficiency. The procedure forms rules and constraints, structures and normalizes the side interactions. The mediator creates the most productive conditions for resolving the conflict. It should be noted that authority and competence are the most important aspects of the essence of the mediator in dealing with such a multilateral confrontation of antagonistic interests. [9] [10] Reconciliation, Arbitration and Mediation-3 forms of third party participation in the settlement, taking into account the multiethnic nature of the DRC, as well as tribalism and tensions in interethnic interaction, it can be concluded that mediation and arbitration appear to be the most relevant forms of implementing third party involvement in the conflict. The main role of such a third party will be to organize the negotiations, as well as methodical and procedural support for the negotiations. Special attention should be paid to the coverage of the conflict in the media, as a possible tool for intervention in the conflict and an agent for generating a discourse of hostility, all aspects can negatively

affect the procedure for regulating the conflict. The main tasks will be supervision aimed at creating an opportunity to integrate multidirectional interests into a single roadmap, as well as creating favorable conditions for the DRC and participants in the settlement process out of the information vacuum.

Список литературы:

1. Винокуров Ю.Н, Орлова А.С, Субботин В.А. История Заира в новое и новейшее время. Институт Африки РАН.1982. С. 232.
2. Стребков А.И, Алдаганов М.М, Газимагомедов Г.Г. Российская конфликтология между настоящим и прошлым. Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология, 2013, No1, 66-76.
3. Тягуненко В.Л. Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость. Наука, 1974. С. 237
4. Darendorpf R. Class and class conflict in industrial society. Электронный ресурс // URL: <https://cominsitu.files.wordpress.com/2019/01/ralf-dahrendorf-class-and-class-conflict-inindustrial-society-1.pdf> (дата обращения 01.09.2020)
5. Clodfelter M. Warfare and armed conflicts. V. 2. P. McFarland 2017.
6. Coser.L. The functions of the social conflict. The free press. NYC, 1956.
7. Krisberg L. Sociology of Social Conflict. Prentice hall. NJ, 1973. 122
8. Parcell L. Africa south of the Sahara 1991; The Middle East and North Africa 1991; The Far East and Australasia 1991 and The USA and Canada 1990, International Affairs, Vol 67, Issue 2, April 1991. P.1074.
9. Reyntjens F. "Briefing: The Second Congo War: More than a Remake." African Affairs 98, no. 391 (1999): 241-50. 10. Zongwe D.P. "The New Sexual Violence Legislation in the Congo: Dressing Indelible Scars on Human Dignity." African Studies Review 55, no. 2 (2012): 37-57.

© Г.А. Труфанов, 2022

О некоторых проблемах развития франчайзинговых отношений

Франчайзинговое партнерство является многомерным, включающее в себя совокупность экономико-правовых отношений. В настоящее время возникает множество проблем при использовании международного франчайзинга, несогласованность в правовом регулировании, отличия в юрисдикциях, геополитические факторы, а также межкультурные различия, порождающие коммуникационные и координационные барьеры. Рассмотрим некоторые из них.

В начале 2020 года, в связи с пандемией COVID-19 и введенными ограничениями по всему миру, франчайзеры и франчайзи столкнулись с рядом проблем. Во-первых, задержки производства, нарушение логистики поставок, увеличение затрат на доставку и распределение сырья и товаров. Сырьевой и товарный дефицит усугубляется тем, что многие предприятия решили отреагировать на них накоплением запасов. Более того, зачастую франчайзинговые соглашения ограничивают круг поставщиков. [1, с. 3] Это повлияло на увеличение капитальных затрат со стороны франчайзи, и как следствие, удорожание конечных товаров и услуг.

Во-вторых, переход и/или увеличение онлайн-продаж, которые были ограничены и/или исключены франчайзинговыми соглашениями, которые требует пересмотра методологии распределении франчайзерам прибыли между франчайзи. Также возрастает потенциальный риск ответственности франчайзера за неправомерные действия своих франчайзи за несоблюдение стандартов качества и обслуживания в результате приостановления деятельности в цепочке отдельных предприятий из-за COVID-19.[2]

Некоторые страны стали вносить изменения во франчайзинговое законодательство. Так, правительство Австралии по инициативе Объединенного парламентского комитета по корпорациям и финансовым услугам на основании Отчета «Действие и эффективность Кодекса поведения по франчайзингу» от 14 марта 2019 года [3] пересмотрело Кодекс поведения по франчайзингу [4], которые

коснулись правил разрешения споров и рассмотрение жалоб; предварительного раскрытия информации; условий изменения и расторжения договора, судебных издержек, ограничения капитальных затрат франчайзи и др.

В период с 22 февраля по 14 октября 2022 года Австралия, Канада, Европейский союз (ЕС), Франция, Япония, Швейцария, Великобритания и США ввели ограничения в отношении в общей сложности 8 329 человек и 1541 организаций из России. Санкции были установлены из-за признания Россией Донецкой и Луганской народных республик и начала специальной военной операции на Украине.[5]

По данным Franshiza.ru на январь 2022 года в России насчитывалось 3095 действующих франшиз (прирост в 11,3% за год). И если в 2020 году, оборот рынка из-за коронакризиса сократился на 27%, до 2,04 трлн. руб., то по итогам 2021 года вырос на 15% и добрался до отметки в 2,35 трлн. руб. По данным Российской ассоциации франчайзинга в отечественной экономике доля франшиз в ВВП в 2020 году составляла 2%.[6]

Многие популярные бренды с начала марта 2022 года, в большей части работающие по франчайзинговой модели, начали покидать российский рынок, такие как Zara, Pull&Bear, Massimo Dutti, Bershka, Stradivarius, Oysho, Uniqlo, Mango, Puma и другие.

Прекращение деятельности иностранных франшиз в России обусловлено не столько общественным мнением стран-правообладателей, сколько жесткими мерами ответственности, предусмотренными за нарушение санкционных мер.

Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях (ИЕЕРА) от 28 октября 1977 года, представляет собой федеральный закон США, включенный в Главу 35 Раздела 50 Кодекса США, уполномочивающий президента регулировать международную торговлю после объявления чрезвычайного положения в стране в ответ на любую необычную и чрезвычайную угрозу для США, источник которой полностью или в значительной части находится за пределами США.[7] Так, согласно, §1702 Закона ИЕЕРА, запрещает любому лицу США вести бизнес с физическим или юридическим лицом, из государства, находящегося под санкциями. За нарушение санкционного закона предусмотрена гражданско-правовая и уголовная ответственность.[8] Гражданско-правовое взыскание может быть наложено в размере 250 тыс. долл. США или в сумме, в два раза превышающей сумму сделки, являющейся основанием нарушения, в отношении которого налагается штраф. Уголовная ответственность

устанавливается за действия, которые «нарушают, пытаются нарушить, вступают в сговор с целью нарушения или вызывают нарушение любой лицензии, приказа, постановления или запрета» в размере штрафа до 1 млн. долл. США и/или тюремного заключения на срок до 20 лет. [9] Помимо этого допускается арест и конфискация активов, которые признаются доходами от преступной деятельности.[10]

США активно ведет против России «торговую войну» путем применения экспортного контроля и экономических санкций, которые применяются Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США (BIS) и Управлением по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC). Экспортный контроль США применяется к товарам, которые: а) находятся в США; б) американского происхождения; в) содержат больше, чем минимум контролируемого контента американского происхождения; или г) являются произведенным за границей продуктом определенного программного обеспечения или технологии США (Правило FDP). В отношении России с 7 июня 2022 года применяется расширенное правило – введение запрета на экспорт, реэкспорт, продажу или поставку (прямо или косвенно) бухгалтерских услуг, услуг по созданию трастов и корпораций или консультационных услуг по вопросам управления американскими лицами, лицу, находящемуся в России. Под термином «лицо, находящееся в России» понимается любое физическое или юридическое лицо, зарегистрированное или созданное в соответствии с законодательством РФ.[11]

Мировые геополитические и экономические кризисы требуют формирование новой модели франчайзинга, которая устраним существенное неравенство между франчайзерами и франчайзи, обеспечит большую прозрачность во франчайзинговых отношениях, позволит оперативно реагировать на изменяющиеся экономические условия и торговую среду. В целом синергетические и динамичные отношения между сторонами франчайзинговых отношений повысят возможности получения конкурентного преимущества.

Список использованной литературы:

1. Watson, A., Dada, O., López-Fernández, B., & Perrigot, R. (2020). The influence of entrepreneurial personality on franchisee performance: A cross-cultural analysis. *International Small Business Journal: Researching Entrepreneurship*, 38(7), P.1–24. <https://doi.org/10.1177/0266242613494866>.

2. Burgio-Ficca, C. The Future of Franchising and the Franchising Model. 2021. Franchising in Australia. FTI Consulting Inc. // www.fticonsulting.com.
3. Report The operation and effectiveness of the Franchising Code of Conduct. 14 March 2019. Commonwealth of Australia 2019. ISBN 978-1-76010-891-5 // https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/Joint/Corporations_and_Financial_Services/Franchising/Report.
4. Franchising Code of Conduct, 30.10.2014, Act № 168. Federal Register of Legislation – Australian Government. // www.legislation.gov.au/Details/F2014L01472.
5. Sanctions imposed on Russia 2022, by target. Published by Statista Research Department, Oct 13, 2022 // https://www-statista-com.translate.google.com/statistics/1293531/western-sanctions-imposed-on-russia-by-target/?x_tr_sl=en&x_tr_tl=ru&x_tr_hl=ru&x_tr_pto=sc.
6. Кочетов А. Смена партнера: как в России изменился франчайзинг. РБК Плюс // <https://plus.rbc.ru/news/62cb018d7a8aa9a6d25b6c86>.
7. Casey C.A., Fergusson I.F., Rennack D.E., Elsea J.K. Legislative Attorney The International Emergency Economic Powers Act: Origins, Evolution, and Use. Updated July 14, 2020 // Congressional Research Service. R45618. Version 5. UPDATED. 2020. 67p.
8. An Act with respect to the powers of the President in time of war or national emergency. December 28, 1977. // Public Law 95-223 — DEC. 28, 1977.
9. U.K. Businessman Graham Bonham-Carter Indicted for Sanctions Evasion Benefitting Russian Oligarch Oleg Vladimirovich Deripaska. Department of Justice The United States. October 11, 2022 // <https://www.justice.gov/opa/pr/uk-businessman-graham-bonham-carter-indicted-sanctions-evasion-benefitting-russian-oligarch>.
10. Violation of the United States Iranian Embargo, in violation of Title 50, United States Code, Section 1705; Title 31, Code of Federal Regulations, Sections 560.203 and 560.204 // <https://www.justice.gov/file/978876/download>.
11. Mahlstein K., McDaniel C., Schropp S., Tsigas M. Estimating the economic effects of sanctions on Russia: An Allied trade embargo // World Econ. 2022, 25 June //doi.org/10.1111/twec.13311.

© Р.А. Хазина, Н.А. Ющенко, 2022

**Соотношение кассационного и надзорного производств в
российском уголовном процессе**

Конституцией Российской Федерации (далее по тексту – Конституция РФ) каждому гарантируются судебная защита нарушенных прав и свобод, а также доступ к правосудию, из которых вытекают положения действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) о праве обжалования судебных решений. Заинтересованные в исходе дела лица уполномочены реализовывать его путем подачи апелляционных, кассационных, надзорных жалоб (представлений прокурора). Кроме того, законом предусмотрена возможность обратиться с заявлением о пересмотре дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Указанные права отражают и диспозитивные начала уголовного процесса.

Процессуально установленная возможность обжалования решений суда служит гарантией защиты нарушенных прав, свобод и охраняемых законом интересов личности, общества и государства, а также правовым инструментом исправления судебных ошибок, тем самым реализуя назначение, цели и задачи уголовного судопроизводства. Из этого следует, что многоступенчатость судебной системы в Российской Федерации полностью соответствует нормам Конституции РФ.

Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона [2, ст. 297]. По аналогии, те же требования предъявлены к судебным постановлениям и определениям (кроме справедливости).

Кассационное и надзорное производства служат цели пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу. Таким образом, после вступления решения суда в силу, в случае вынесения обвинительного приговора, осужденному предстоит претерпеть все его неблагоприятные последствия. Тем не менее, это не означает, что средства его правовой защиты исчерпаны, ввиду того, что кассация и надзор выступают дополнительным способом восстановления нарушенных прав, если таковые нарушения имеют место быть в

действительности. То же касается и потерпевшего, в случае если его интересы пострадали в результате вынесения неправосудного решения.

Вышеуказанные стадии уголовного процесса имеют определенные процессуальные особенности, закрепленные в рамках УПК РФ (требования, предъявляемые к кассационной и надзорной жалобе (представлению прокурора); порядок и сроки рассмотрения дела в суде; пределы прав судов кассационной и надзорной инстанций и пр.). Институты кассации и надзора наиболее схожи друг с другом, нежели с апелляционным производством, поскольку они преследуют идентичные цели и задачи, проверяя законность вступившего в законную силу решения суда по уголовному делу. Вместе с тем, по апелляционной жалобе (представлению), возможен лишь пересмотр судебных актов, которые не вступили в законную силу.

Следует отметить, что после проведения в России судебной реформы в 2018 году, кассация в уголовном процессе была существенно преобразована – созданы апелляционные суды общей юрисдикции и кассационные суды общей юрисдикции. Таким образом, федеральным конституционным законом от 29.07.2018г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции», в рамках статьи 5 предусмотрено, что «кассационный суд общей юрисдикции в соответствии с установленной федеральными законами подсудностью рассматривает дела в качестве суда кассационной инстанции по жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные акты, а также дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам и осуществляет иные полномочия в соответствии с федеральными законами» [1, ст. 5]. Учитывая это, в нормы УПК РФ законодателем были внесены изменения, фактически устанавливающие две различные процедуры возбуждения кассационного производства – в кассационных судах общей юрисдикции и в Верховном Суде Российской Федерации (далее по тексту – ВС РФ).

Совершенно справедливо указано, что «так называемая сплошная кассация, по своей процессуальной форме близка к апелляционному производству: возбуждается по инициативе заинтересованных лиц путем принесения кассационной жалобы или представления на итоговые акты правосудия через суд первой инстанции и предполагает обязанность кассационной инстанции

проверить доводы ходатайства о пересмотре непосредственно коллегиальным составом суда в судебном заседании. Вторая – процедура выборочной кассации – и по форме, и по сути схожа с надзорным производством: ходатайство о пересмотре подается непосредственно в суд кассационной инстанции, предусматривается этап проведения оценки приемлемости жалобы или представления единолично судьей, и только при выявлении оснований, указывающих на необходимость пересмотра решений, дело передается на проверку кассационной инстанции» [3, с. 606].

Таким образом, очевидно, что вышеуказанная судебная реформа в части возникновения института сплошной кассации в уголовном процессе призвана повысить уровень защиты нарушенных прав, свобод и охраняемых законом интересов, а также обеспечения законности и правопорядка в государстве. По сути, благодаря ей, реально был упрощен гарантированный Конституцией РФ доступ к правосудию. Тем не менее, выборочная кассация продолжает предусматривать менее широкие возможности для обжалования решений судов, вступивших в законную силу.

Учитывая это, при выборочной кассации законом предусмотрено, что судья кассационной инстанции, единолично изучив материалы кассационной жалобы (представления), своим постановлением уполномочен либо отказать в передаче кассационной жалобы (представления) для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, либо передать кассационную жалобу (представление) с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (ч. 2 ст. 401.10 УПК РФ). Необходимо отметить, что постановление об отказе также не всегда является окончательным, ввиду того, что законодатель в рамках УПК РФ предоставил возможность Председателю ВС РФ (его заместителю) не согласиться с таким постановлением судьи ВС РФ и отменить его, одновременно передав кассационную жалобу (представление) с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

В отличие от двухступенчатого кассационного производства, судебный надзор регламентирует единственный судебный орган, уполномоченный УПК РФ на пересмотр вступивших в законную силу судебных актов в порядке надзора – Президиум ВС РФ. В рамках кассации, в сравнении с производством в суде надзорной инстанции, подлежит обжалованию более широкий перечень судебных решений. Вместе с тем, в Президиум ВС РФ, могут обжаловаться:

- 1) судебные решения Апелляционной коллегии ВС РФ;

2) определения Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ и определения Судебной коллегии по делам военнослужащих ВС РФ, вынесенные ими в кассационном порядке;

3) постановления Президиума ВС РФ (ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ). Также следует отметить, что итоговым судебным актом заседания суда кассационной инстанции является определение, которое подписывается все составом суда, а в надзорной инстанции – это постановление, которое должно быть подписано председательствующим в судебном заседании. Заседания судов кассационной и надзорной инстанции ведутся с соблюдением общего регламента и порядка, определенными нормами УПК РФ.

Учитывая анализ вышеизложенного, следует подчеркнуть, что хоть кассационное и надзорное производство в уголовном судопроизводстве имеют общую цель, задачи, предмет рассмотрения судебных решений, вступивших в законную силу, между ними присутствуют и существенные процессуальные различия. Однако, оба указанных института одинаково важны для российской правовой системы.

Кассация и надзор являются дополнительными средствами исправления судебных ошибок и гарантом принятия законного решения по уголовному делу. Кроме того, производство в суде надзорной инстанции многие ученые-процессуалисты называют исключительным. С данным мнением трудно не согласиться, поскольку ошибки могут допускаться и при пересмотре судебных актов в кассационной инстанции, и в данном случае заинтересованные лица могут подать надзорную жалобу (представление прокурора) в Президиум ВС РФ, судьи которого являются высшими специалистами в области права.

Список использованной литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 года № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Российская газета. 2018. 31 июля. № 165.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря. № 249.

3. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 888 с.

© Н.Е. Яременко, 2022

«Право: история, теория, практика»

*Сборник материалов
IV международной очно-заочной научно-практической
конференции
г. Москва, 21 октября 2022г.*

Материалы публикуются в авторской редакции

Издательство: НИЦ «Империя»
143432, Московская обл., Красногорский р-н, пгт. Нахабино,
ул.Панфилова, д.5
Подписано к использованию 23.10.2022.
Объем 1,27 Мбайт. Электрон.текстовые